

Фрейлина
ВЫБОР

Тамара Шатохина

Тамара Шатохина
Фрейлина. Выбор

«Литнет»

2025

Шатохина Т.

Фрейлина. Выбор / Т. Шатохина — «Литнет», 2025

Третья книга цикла. Что будет, если женщина-историк вдруг окажется в ином времени и рядом с людьми, жизнь которых изучена ею, казалось бы, до мелочей? В истории России было несколько поворотных моментов, но попытаться предотвратить Таисия может только один, который случится уже скоро. А нужно успеть так много - выжить, родить, любить... Но главное - НЕ ДОПУСТИТЬ! Через муки совести, потери и трудный выбор - приоритеты установлены. Вюртемберг, Санкт-Петербург, Крым... середина XIX века.

© Шатохина Т., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	30
Глава 6	37
Глава 7	45
Глава 8	50
Глава 9	58
Глава 10	67
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Глава 1

Как и обещал Фредерик, к зиме туманы стали особенно плотными и тяжелыми, буквально осязаемыми. В ожидании заморозков они упорно давили на Штутгарт, пеленая собой и окутывая промозглостью, делая сырой одежду и прилипая к лицам прохожих. Невнятные становились очертания зданий и менялись звуки города, отчего он казался незнакомым и даже слегка таинственным.

Однако, это уже не впечатляло так сильно, я привыкла к тому, что живу в городе туманов.

- Прошу вас, Таис, - подал мне руку муж, помогая сесть в карету.

Внимательно смотрел потом, устроившись внутри.

- Сегодня вы молчаливы, о чем размышляете?

Я медленно отвела взгляд от белого марева за каретным окошком и аккуратно расправила полы теплого плаща. Мой личный «уж на сковороде» привычно шевельнулся, непринужденно выдавая очередную порцию лжи. Впрочем, вполне себе безобидной в этот раз.

- Вверх пошли цены на хлеб с картофелем и вспомнилось... Даша рассказывала о голодных временах в поместье моих родителей. Настоящий голод, мол, это не тогда, когда не уродила рожь, а когда не уродила лебеда. Люди питались затирухой из дерти... это грубо молотое зерно, обычно идущее на корм скоту, а к концу зимы стали пухнуть - чтобы не так сильно страдать от голода, пили слишком много воды. С приходом весны стало легче... как только стаял снег в апреле, так и стало легче. И знаете почему? Ховрашки... суслики, если называть их грамотно. Земля оттаяла и обнажились их норы. Эту живность дети «выливали» из них водой. Мальчишки возвращались домой обвешанные добычей. Тогда и повеселели все... так и выжили, - совсем упало у меня настроение.

Даша действительно рассказывала такое, но давно уже, давно... Сейчас причиной не самого хорошего настроения было другое. То, что озвучить для мужа я не могла.

Все дело в Костином письме и приписке о его верности мне.

Так-то, штука она хорошая. Необходимая составляющая в общем пакете ценностей, отвечающих за счастливую и правильную семейную жизнь. Но то – семейную.

Непонятное неудобное ощущение, не оставляющее пару дней, пока я еще душой парила в эйфории от его признания и гнала все, что мешало ему радоваться, сейчас оформилось. И пришло понимание...

Сейчас я в восхищении и сразу в ужасе от того, настолько серьезно и ответственно он воспринимает то, что происходит между нами. То, чему на самом деле не может быть продолжения. Что обязательно стало бы попранием традиций и устоев, больше того – нарушением закона. Причиной конфликта, а то и разрыва Кости с родными, циничным плевком в глаза тому обществу, которое, как ни крути, является естественной средой обитания императорского отпрыска.

Я не та его породистая жена, которой только за ее происхождение прощалось слишком многое. И ее красота, это просто приятный бонус, она вторичная причина почти безграничной лояльности к любым и даже откровенно позорным выходкам несравненной Алекс. Так же не осуждают сейчас "шалости" Мэри и снисходительно улыбаются, услышав о еще одной любовной победе женатого Александра.

Я же... Вступив в брак с Великим князем, а именно так он похоже видит честные по отношению ко мне и безгрешные отношения... я испорчу ему жизнь! Это исключит любые возможности для развития и роста его личности. Заодно обездолю наших будущих детей... да, собственно, достаточно того, что его обездолю. И этим все сказано!

Я не ровня ему. И это не признание собственной ничтожности, нет. Я высоко ценю себя, но это факт - я не ровня Косте, таковы реалии. Нет... приложи я определенные усилия и манеры мои станут безупречны, речь изысканной, я обязательно выучусь игре на рояле и стихосложению, танцевать буду, как богиня... Но это только внешний лоск, а кому он нужен в изоляции? Когда высшее общество молча отринет меня, спокойно игнорируя. Не его – в нем Кровь. Его-

то будут принимать в этом самом обществе – воротить нос не посмеют, но только если одного. А он в своей душевной чистоте и верности своей семье встанет горой за меня – это же Костя. И что дальше?

А дальше – два изгоя. Не участники, а наблюдатели жизни, которая будет продолжаться вокруг. Все закончится для него так же, как в той жизни, только еще хуже, потому что гораздо раньше. Он вообще ничего не успеет... Я-то переживу все эти неприятности. Женщины пластичнее, мы легче приспосабливаемся и для нас всегда важнее семья, да и то болеть будет за подросших детей, обязательно будет. А вот он... как быстро он все сопоставит и осознает, что постель со мной того не стоила?

Ну, не только она, допустим...

Для него все гораздо глубже и похоже, что он принял меня всю, как я есть. А по факту – с чужим ребенком, чужой внешностью, чужими романсами, а из своего только знания, которые я нагло выдаю за таланты, которыми не обладаю – способность к творчеству, аналитике, изобретательству и даже прозрению.

Его привлекла женщина, волей судьбы попавшая в аховое положение и выживающая, как только может – делая честное лицо, привычно уже лгущая в мелочах и глобально... при-творяющаяся не той, кто она есть, извивающаяся, как уж на раскаленной сковороде, потому что периодически припекает. Грешна – еще и в чудеса верю, потому что мое попадание из их числа, но чему я никогда не верила, так это сладким голливудским фильмам. Здесь и сейчас такая жесткая реальность, что ХЭ для нас с Костей вообще не вариант. И я понимаю это.

Сидела бы еще тихонечко и не рыпалась, так нет же – не смогу. Именно потому, что слишком много знаю. Совесть не позволит, натура не даст, и я выжму из того, что знаю и могу максимум. Сделаю все, чтобы хоть как-то, хоть где-то и что-то...

Мне не нужна его верность! Это его решение пугает своей категоричностью и отсутствием выбора для меня. Не нужны физиологические лишения, которые он взвалил на себя ко всему прочему. И без воздержания ему там хватит! А когда мужская природа взбунтуется? Прошло мало времени после нашей ночи, он просто не понимает на что подписывается. Но дав себе такую установку... больше того – известив меня о ней, станет же держаться – теперь это вопрос принципа. Воли, выдержки, его решения, чести наконец. Такое вот... испытание себя. И это так по-мужски!

Мне же достаточно знать, что где-то есть человек равнодушный ко мне, иногда быть с ним, верить в него, уважать и преклоняться перед его личностью и свершениями. Любить издали, как любит Ольга своего Сашу, потому что я так же четко и по-взрослому осознаю реалии. Это было бы правильно, справедливо и даже милостиво – не мешать ему жить, а для меня – достаточно. И мужское здоровье... да трахайся ты там, Костя! Только, чтобы без слухов и подробностей – вот их пережить будет сложнее. Здоровый мужчина с базовыми потребностями... я же готова была к этому, знала, что так будет, я уже приняла это для себя и для него обозначила – что просто не хочу знать, насколько полным будет его одиночество.

Так зачем он?!..

И что с этим делать? Мне не нужны такие жертвы, я просто не представляю, что теперь дальше...

- Вы так расстроены потому, что боитесь голода? – потрясенно уставился на меня муж.

- Ну что вы, Фредерик? – виновато улыбнулась я, – простите, если прозвучало так, будто я не уверена в вас... не нам с вами его бояться! Для таких, как мы, всегда найдется кусочек хлебушка. Всей душой любя и уважая свою мать, я совершенно уверена, что затирухой и сус-ликами она не питалась. Хотя и делала для своих крестьян все возможное, даже полностью спустила карповый пруд, разрешив выбрать рыбу – тогда был плохой год. Государь организовал поставки зерна с юга – Россия огромна, неурожай коснулся не всей ее территории. Но везли его телегами, а это не тот масштаб и полностью закрыть потребности голодающих... – на ходу

подобрала я аналог понятия "регион", - местностей... не имея железной дороги - нереально. Это правда жизни. И нет, я не думаю, что голод здесь примет угрожающие размеры, король вовремя принял меры.

- Во многом благодаря вам, - кивнул мужчина.

- Мне он не поверил, да и странно бы... Просто сопоставил потом, сравнил, учел разные мнения и сделал правильные выводы. Наш с вами король не самый плохой правитель, скорее наоборот. Но давайте немного помолчим... может, я даже усну – последнее время вообще много сплю. Разбудите, когда станем подъезжать к Тюбингену, - склонила я голову на подушечку, пристроенную на плече, и прикрыла глаза.

Но уснуть не получилось, слишком много мыслей теснилось в голове. Например – мы ехали смотреть микроскоп...

Удивительное время на самом деле – середина XIX века. И удивительно оно просто-таки разительными контрастами. На фоне остаточных проявлений прошлых веков... ну такое - кареты, сабли, парусники и все мелкие прибабахи, присущие аристократии - исторические наряды, прически и прочее. А вот что действительно важно - крепостничество. И на фоне этого настоящая аграрная революция в Европе, где традиционное крестьянство постепенно замещается фермерством. Кроме того, еще каких-то двадцать лет и состояние промышленности перейдет в новую стадию и грянет промышленная революция: массовое производство паровых машин, развитие железнодорожной отрасли, перестройка металлургии...

Я резко открыла глаза.

Мысль, и так мимолетную, ускользающую, совсем сбил каким-то незначительным вопросом Фредерик и, как я ни мучилась потом, что-то важное... что-то мучительно необходимое непонятно для чего, так и не оформилось в моей голове. Ну, ладно... «промышленная революция» кодовые слова. Подумаю в этом направлении позже.

Тюбинген нисколько не потерял с приходом сырой и слякотной зимы – спешили по своим делам студенты, блестела омытая дождями брусчатка улиц и площадей, стройно теснились парадные здания у Ратуши, струилась полноводная по причине обильных дождей Неккар и врывались в нее своими струями горные Аммер и Штайнлах. Ну и конечно же – плакучие ивы Тюбингена! Только сейчас не пышные плети, осеребренные листвою, а поникшее над стремительно несущейся водой прозрачное кружево тонких ветвей.

- Тюбинген краше Штутгарта, - уверенно заключила я.

- Сейчас... да, пожалуй, - согласился муж, помогая мне сойти по каретной лесенке.

Профессор Вундерлих принарядился к нашему приезду. Сейчас его природные данные были грамотно подчеркнуты одеждой и зрелая мужская красота бросалась в глаза сразу. Раскланявшись и обменявшись вежливостями, мы с Фредериком замолчали, глядя на него с ожиданием. Я не удержалась первой, отметив загадочно-довольное выражение мужского лица:

- Тайны, сюрпризы... скорее ведите нас, профессор – сил нет терпеть. Где оно – очередное чудо Цейса? Единственный такой экземпляр, насколько я понимаю? Ведь его приборы не повторяются, только совершенствуясь в каждом следующем? Ваш так же уникален?

- Удивляюсь вам, frau Hohenlohe-Ingelfingen, - посерьезнел профессор, - и уже настраиваюсь на предметный разговор. Прошу вас, господа...

Я могла бы объяснить, что ничего удивительного в моих словах нет - если приобретением так гордятся и даже хвастают, значит оно исключительная редкость. Получается, на это время массовое производство микроскопов Цейсом еще не налажено. А совершая ручную сборку очередного экземпляра, изобретатель обязательно будет стремиться улучшить его. Обычная логика.

О, у меня было еще столько всего для него - действительно удивительного. Я намеревалась единым днем продвинуть клеточную теорию на десятки лет вперед, да простит меня в будущем Рудольф Вирхов. «Всякая клетка происходит от другой клетки» - необходимое пони-

мание в микробиологии, а значит и медицине. У Цейса отличная оптика! Многие научные открытия, сделанные немцами, свершились именно благодаря ей. И насколько она хороша на этом момент, мне хотелось определить как можно скорее. Я даже луковицу с собой привезла, чтобы воспользоваться луковичной пленкой – помнились уроки биологии в школе. Оттуда же знания о теории Вирхова. Я отлично училась!

Оптический аппарат, установленный на столе в кабинете профессора, заставил коротко выдохнуть, настолько ярко он контрастировал с настоящей действительностью – нашими одежками и окружающей обстановкой. Всем своим видом подтверждая то, что пришло мне в голову по дороге сюда – почти космический аппарат же, гадство!

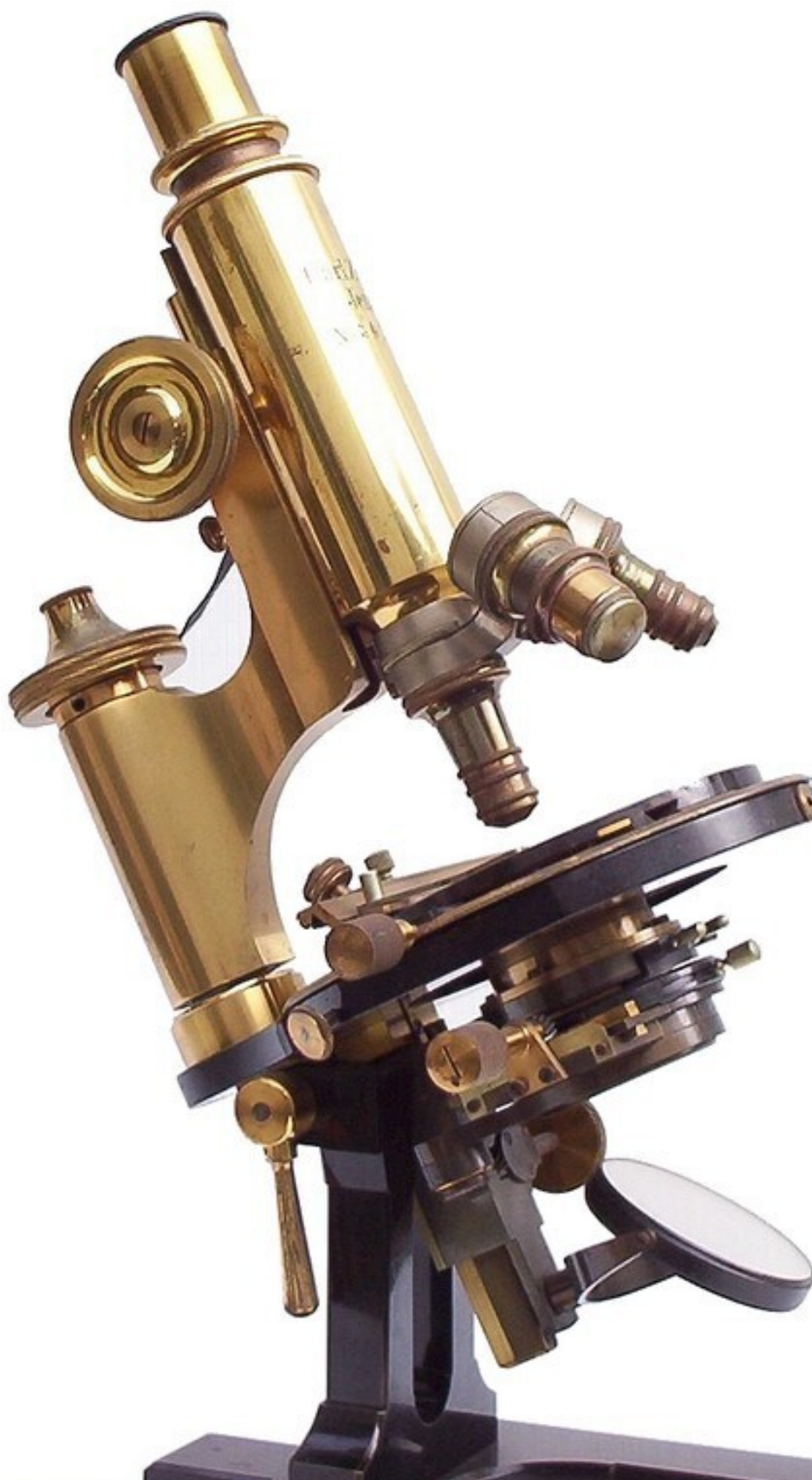
Приспособление держало оптическое стекло в нужном положении по отношению к рабочей поверхности. Металл трубки празднично сверкал начищенной латунью, как полированная гильза, чесслово...

Мля-а-а... задохнулась я осознанием. Твою ж мать! Ноги ослабели и, обхватив рукой живот, я зашарила второй, сразу же найдя опору во Фредерике.

Суэта и озабоченные мужские возгласы проходили мимо мозга – откинувшись в профессорском кресле и прикрыв глаза, я с ужасом вспоминала свои заумные речи о пулях, встроенных в пулеметную ленту. Дура - патроны же! Латунные гильзы со всей подобающей патрону начинкой.

Господи-господи... вот не лезь, не берись за то, в чем не смыслишь – прояснялось у меня в голове. Эйфория от владения знаниями и уверенность в себе меркли. Здесь и сейчас я давала себе строгий зарок сто раз подумать перед тем, как ляпнуть очередную глупость.

*** Один из первых, экспериментальных микроскопов Цейса:

Глава 2

Отдышавшись, я бледно улыбнулась и успокоила мужчин. Дальше для нас с Фредериком провели экскурсию и какое-то время было посвящено микроскопам. Современному и прежним - производства Шевалье и Мани, состоящим на балансе университета до этого времени.

Старинные микроскопы создавались по всем правилам декоративного искусства – их внешнему виду отводилось столько же внимания, сколько созданию самой оптической части. Слоновая кость, ценное дерево и бронза, футляры, отделанные тисненой золотом кожей... Еще и бронзовые украшения деталей создавались известными скульпторами. Замечательно красиво и неразумно дорого. Цейс был уже лаконичнее.

Наконец дело дошло до самого процесса, и мы получили возможность сравнить разрешение в пятьсот и тысячу, а то и более единиц, подставляя под окуляры одно и то же стеклышко с луковичной пленкой. Схема исследований по сравнению с моим временем практически не изменилась – только на предметное стекло капнули просто воды, а не слабый водный раствор иода, туда же при помощи пинцета поместили кусочек луковой пленки, разровняв ее иглой и прикрыв покровным стеклом.

В перерыве между экскурсией и по ощущению – школьной лабораторной работой, мы пили чай со сладостями. Стол для скромного чаепития был накрыт в профессорском кабинете. И с угощением, и в настройке приборов помогал студент – худой невысокий парень с выражением крайней сосредоточенности на миловидном веснушчатом лице. Профессор называл его Гербертом. В наших разговорах молодой человек не участвовал, но слушал очень внимательно. Может был родственником профессора или просто лицом доверенным.

Уезжать не хотелось и больше того... не казалось возможным. Столько всего всплывало в этом разговоре, такие открывались горизонты!

Но теперь я не представляла свою точку зрения так категорично, как ту же идею пулемета. Сейчас я осторожно и мягко подводила мужчин к нужным выводам, показывая свою озабоченность и задавая вопросы. Выводила их на дискуссию и обсуждение мужским составом, наслаждаясь заодно тем, как они это делают – споря сдержанно и интеллигентно; уверенно, но с уважением к оппоненту отстаивая свою точку зрения. Лишь слегка регулируя направленность их разговора, я больше помалкивала – пускай сами... В то, к чему пришел своим умом, всегда верится легче.

И все-таки отсидеться мне не дали, моим мнением поинтересовались. Так и получилось, что последнее слово осталось за мной:

- Если принимать во внимание «всеобщий естественный закон» - закон сохранения материи, обоснованный Михаилом Ломоносовым, то, соответственно – клетка не способна возникнуть из ниоткуда. Возможно, она возникает из другой клетки... способом деления? Иных я не представляю, - осторожно предположила я и переждав молчание – возражений не возникло, предложила:

- Устроив круглосуточное дежурство и наблюдая процессы, происходящие под стеклом, мы могли бы уловить этот момент, но только не в клетках растений. Гораздо интереснее как можно скорее проверить теорию профессора Пирогова (все так же приписывала я тому достижения Склифосовского в будущем) о безвредных микроорганизмах – миазмах. Ведь если они действительно существуют, то выходит – живут? А, попав в привлекательную среду нашего организма, эти клетки получается... делятся, множась и все больше отравляя наше тело своими испражнениями? В том, что они не обладают разумом, как низшие живые организмы (та же бабочка), я с вами соглашусь – скорее являются чистой функцией. Но если причина массовых заражений действительно в контакте с больными... и это касания, капли слюны, выделяе-

мые при чихании, кашле и даже просто разговоре? А в них те самые миазмы. Если все так... - покачала я головой, выражая озабоченность всей своей сутью – лицо, голос, поза.

В общем... еще я упомянула ту самую плесень - если вытяжка из нее положительно влияет на течение какой-то болезни, не означает ли это отрицательное влияние на ее возбудителей?

В итоге Вундерлих не обещал сделать изучение мокроты больного туберкулезом (чахоткой) одной из программ университета. Но сам лично, в свободное от работы время заняться этим собирался. В случае же действительного обнаружения болезнетворных клеток путем сравнения с мокротой здорового человека, и если-таки они делятся... Это даст повод просить грант на более обширные исследования. Но только после собрания медицинской коллегии и признания ею данного исследования перспективным.

И вот тут меня одолели те самые смутные сомнения...

Это запросто могло затянуться и надолго. Поэтому я предложила посильную помощь на первых порах, материальную естественно, намереваясь привлечь к этому делу Ольгу. Мандт диагностировал у Александры Федоровны чахотку. И это я знала, что диагноз ошибочен, Ольга же в этом случае оставалась лицом заинтересованным.

В конце визита я вручила профессору несколько медицинских масок, сшитых заранее – страшно было потерять этот мозг, эту личность.

- Возможно, предположения Пирогова ложны, но, если нет... лучше перестараться в своих опасениях. Работайте в перчатках, материал забирайте прокипяченным инструментом и опять кипятите его после всего... Эксперимент должен быть чистым, а вы, профессор, таким образом защищены от миазмов, если они существуют. Контактируйте с больными исключительно в маске – ее следует потом хотя бы раз в день кипятить. А мы с Ее королевским высочеством сошьем вам специальную медицинскую одежду, и хорошо бы она стала нормой, чтобы не нести на себе в больницы дополнительную грязь и наоборот – не приносить в свой дом заразу из больниц.

Странное, болезненное выражение, внезапно нарисовавшееся на лице врача заставило меня замолчать и обеспокоенно присмотреться.

- Профессор?..

- Вероятно, мне следует сказать об этом, подтвердив тем самым серьезность своих намерений относительно изучения вопроса о существовании миазмов.

- Или же пускай - микробов, - радостно подхватила я, - раз уж их мир виден исключительно при помощи микроскопа и размер можно считать микроскопическим. Микробы... дабы не следовать учению того же Пирогова дословно.

Возможно, я отвлекла Вундерлиха этими словами, потому что лицо его чуть просветлело, морщинки на высоком лбу разгладились. Слабо улыбнувшись, он кивнул:

- Благодарю вас. Хотя говорить о названиях еще рано... но я все больше проникаюсь мыслью о справедливости ваших предположений, frau Hohenlohe-Ingelfingen. Ведь уже много лет терзаюсь своей виной, не имея ей разумного объяснения. Ваши слова предполагают его – это я принес заразу в свой дом. Двое дочерей... жена...

- Принесли нечаянно, по незнанию! – кажется, что сжалось у меня от жалости сердце.

- Безусловно, но все очень похоже на то. И теперь своим долгом перед памятью о них... я считаю... - затруднился мужчина словами, отворачиваясь и будто бы найдя срочное занятие на своем столе. Трудный вздох, суетливые движения рук...

- Профессор... – прошептала я. Прокашлялась и продолжила увереннее: - Обещайте, что будете пользоваться всем тем, что я перечислила, что будете осторожны – вы уже дороги нам... а вскоре может и всему человечеству, - действительно боялась я за здоровье будущего открывателя палочки Коха... то есть, уже палочки Вундерлиха. Но ждать этого события еще сорок лет? И жаль... как же было жаль его!

Кроме того... чтобы не расплакаться, настраивалась я на конструктив - найти и обработать в нужном ключе еще одного такого энтузиаста будет трудно и это время, а его нет.

Наверное, любой на моем месте первым делом стал бы решать вопрос антибиотиков – слишком беззащитен человек перед страшными болезнями этого времени. Слишком много смертей, а жить хочется! Да еще и ребенок...

Профессор обещал и отстраненно благодарил за заботу. Фредерик хмурился и настаивал на возвращении домой – день клонился к вечеру.

- Вы голодны, Таис, сужу по себе. Чай и пирожное не еда, к тому же у вас кружилась голова, - ворчал он уже в карете, - приглашаю вас вон в то заведение. Надеюсь, кормят здесь на должном уровне, - дернул он колокольчик, велел кучеру остановиться у аккуратного домика с вывеской, однозначно указывающей на характер помещения.

Поданные с печеным картофелем острые свиные колбаски прямо с огня, с лопнувшей от жара кожей и сочащиеся пряным мясным соком, пошли «на ура».

Домой мы вернулись уже затемно, а нашу карету в поздней междугородней поездке сопровождали двое вооруженных конных – с некоторых пор обычная оплачиваемая услуга.

В этот день Фредерик первый раз остался ночевать в Пряничном домике. Я не настаивала – сил на это не было, просто предложила.

- Смотрите сами... но я чувствую себя измотанной. Не трудилась в полном смысле этого слова, но устала. Ваша комната всегда ждет вас, постель застелена, помывочная к вашим услугам... решайте сами, Фредерик.

- Пожалуй... - осторожно оглядел он узкую лестницу и вдруг улыбнулся: - Не забывайте кричать снизу «я иду!».

- О нет! Я прямо сейчас поднимаюсь и падаю в постель, а вы уж тут... - смеялась и я, вспоминая предыдущего хозяина дома.

Даша радостно суетилась и что-то мне подсказывало, что причина ее радости не во мне. Фредерик... она давно уже прониклась к нему, считала настоящим хозяином и конечно уже понимала если не причины, то уж характер наших отношений точно. Осуждала меня не скрывая этого. А тут вдруг такое счастье.

Отослав ее отдыхать, я улеглась в кровать, но сон все не шел – прокол с зарядами для пулемета не давал покоя. И почему-то сейчас казалась важной каждая упущенная минута, я будто безнадежно опаздывала куда-то и это было смерти подобно, настолько важно.

Встав, подошла к окну и отодвинула портьеру – и о чудо! Через два дня Рождество и похоже оно станет по-настоящему зимним. Может пока и без снега, но заморозка можно было ожидать – ночное небо было ясным, темная стена облаков стремительно оттеснялась областью высокого давления. Туман как-то быстро опал, но изморозь на траве, ветках и всех подходящих местах еще не образовалась. Может ближе к утру?

Тихо горела свеча, пахло медом и воском, на лист ровно, по аккуратно прикрепленному транспаранту, ложились строки:

«Костя, здравствуй, дорогой мой! Твое письмо порядком встряхнуло меня – и радовалась, и плакала. Скучаю безмерно, тоже думаю о тебе очень и очень часто и да – верю в тебя. Как иначе? Ты замечательный и удивительный - особенный! Единственный такой. И только тебе по силам совершить почти невозможное.

Но позволь сделать несколько замечаний, которые не обязательно принимать во внимание – могу быть неправа, поскольку не являюсь военным специалистом. Это будет просто взгляд со стороны. Но вначале... барьер из камней, то есть каменная коса защитит форты от разрушения морем и сузит вход в бухту, делая контроль за проходом в нее проще? Славная идея!»

Во время штурма Севастополя в той истории его искусственно сузили, затопив в горле пролива российский черноморский флот. Если проект с молом удастся воплотить, делать это уже не придется.

«Но несовершенство обороны со стороны моря удручает, я полагала форты настоящей и достаточной силой наподобие кронштадтских. Их строительство штука сложная, длительная и дорогая, к сожалению. А еще же ты предполагаешь строительство восточного рубежа обороны для защиты от наступления армейских сил. Но!

Это дорого – повторюсь, и возможно высадку десанта на крымскую землю следует просто не допустить? Исходя из того, насколько это возможно, может ты продумаешь новую стратегию защиты. Конечно, если эти мои мысли покажутся тебе разумными.

Насколько известно, мест на побережье, где может быть произведена высадка десанта, не так много, и все они заселены. Остальное, это обрывистые берега или местность слишком удаленная. И если на господствующих высотах удобных к высадке окрестностей будет организовано постоянное наблюдение, а еще установлены орудия и пулеметы... Костя – пулеметы?! Высадка всегда производится на шлюпках, так ведь? А это момент уязвимости. Расстрелять их с расстояния в полумилю, а то и больше... именно такие расстояния я предполагаю для убойного пулеметного огня, но практика покажет, насколько я права.

И вот еще что мне вспомнилось: мы ведь не обсудили вопрос пулеметных боеприпасов. Безусловно, лента должна фиксировать готовые к использованию заряды. Все в них должно быть собрано в единое целое – я здесь интересовалась и знаю теперь, что уже существует такое понятие, как гильза, что с немецкого переводится, как «оболочка». Впрочем, и ты это знаешь... К делу: именно в эту оболочку соответствующего размера... предполагаю, что латунную и должен быть помещен и запрессован пороховой заряд, силу которого следует рассчитать специалистам; также капсуль взрыва, как в тех штуцерах, о которых вы с капитан-лейтенантом Шкурятиным говорили и, собственно – пуля.

В связи с дальностью вот еще что пришло в голову – однажды мне довелось идти против ветра. Он был такой силы, что пришлось клониться, согнувшись почти вдвое – так легче было преодолевать его сопротивление. Предполагаю, что то же самое случается со всяким физическим телом и пулей в том числе. А буде она острой продолговатой формы, и тогда пронзая собой воздух, который также должен иметь склонность к сопротивлению, ей станет легче. А значит и дальность улучшится.

Возможно также, что обтекаемая продолговатая форма увеличит дальность полета и пушечных снарядов также – не ядер уже. Подумай об этом, посоветуйся, мне тут не с кем.

Полагаю, Владислав Семенович и сам уже пришел к некоторым из этих мыслей, а может и давно решил все гораздо лучше меня, что скорее всего. Я рада, что он проникся и загорелся идеей создания пулемета. При случае передавай ему привет от меня и благодарность за внимательность к моей идее без обидной снисходительности с его стороны.

Все об этом! Не знаю, пригодны ли мои мысли к практическому применению, но высказывать их считаю своей обязанностью – а вдруг?..

Тебе будет трудно. Немыслимо. Потому что, кроме очевидного, еще нужны хорошие дороги – это поставки. Важна отлично налаженная связь и не курьерами – они смертны, к сожалению, а время порой решает все. Что у нас на это время со связью, как обстоят с ней дела? Я ничего не знаю об этом.

Но основное – деньги, всегда деньги. Всегда и всё упирается в них. В этом случае и говорить следует с надежными грамотными финансистами – они посоветуют способы и пути поиска необходимого капитала. Но и здесь позволю себе... кажется, в числе заводчиков и промышленников есть евреи. Их не слишком любят и относятся с эдаким снобистским пренебрежением, а зря. Вот уж кто поднаторел! И став нашим сторонником... соучредителем акционерного общества, к примеру и внося часть необходимого капитала... с получением процентов от

дохода потом. Или же государство со временем выкупит полностью выстроенный ими объект, несколько переплатив – дорога ложка к обеду. Думаю, что эти люди пошли бы тебе навстречу и рискнули своими деньгами всего лишь за возможность для своих детей быть допущенными когда-нибудь в общество. За малую толику уважения к уму, хватке и желанию помочь, если оно случится.

Допустим, примером могло бы стать строительство железной дороги из Москвы в Крым. Или из любого другого города, расположенного ближе, который станет основным местом для организации поставок всего необходимого войскам, да и просто жителям Крыма и западных губерний. Также налаженное сообщение оживило бы и придало новые возможности угольной Юзовке (***Донецк потом), возможно соединив ее в дальнейшем с Курским железом или же железными рудниками Херсонской губернии.

Костя, прости, если слишком умничаю и лезу не в свое дело, но желание помочь настолько огромно! А все намеченное тобою и уже предпринятое я безусловно поддерживаю, одобряю и молюсь за наш успех. И еще одно важно... я хочу, чтобы ты знал.

Это касается той приписки в твоём письме.

Мужские потребности отличны от женских и то, что я обещала тебе, не потребует от меня почти никаких усилий. Но ты... Я бесконечно уважаю твоё решение, но смогу закрыть глаза на обстоятельства, как ты закрыл их, ни разу не упрекнув меня моим ребенком. Я не требую верности себе годами – это тяжкое испытание для мужчины, а твоё здоровье и спокойствие дороже для меня в разы. Здесь я понимаю твою матушку, только сейчас и понимаю. Но ей труднее – она знает, я же знать не хочу и это единственное, о чем прошу тебя – я не должна узнать.

Буду писать к тебе часто – опять же придет что-то в голову! Перетерпи это пожалуйста, женщины суетливы и слегка бестолковы в том, что касается мужских дел. Но иногда нам приходится в голову то, о чем вы и подумать не могли бы – взгляд на те же вещи, но под совершенно иным углом, взгляд как будто со стороны. Он более свеж и может быть очень полезен.

Целую тебя. Помню каждый наш миг, каждый вечер перед сном прогоняю в памяти наше общее время и при этом чувствую себя счастливой. Ты был удивителен, а мне приходят в голову еще способы... где ты будешь уже не столь бережен со мной - вынужденно бережен. Но об этом позже, наедине. Целую тебя еще много-много раз. Я рядом с тобой в это Рождество. И всегда.

Твоя Таис.»

Легко выдохнув и продолжая улыбаться, я отложила письмо, не запечатывая пока – мало ли... утром придет в голову еще что-нибудь. Но отправить его нужно было как можно скорее, мне конкретно подгорало. Значит придется явиться ко двору, да простят мне там мой «непристойный» вид. Хотя какой там! Всего-то шесть месяцев по моим прикидкам – погладила я аккуратное пузичко. Ну... во дворец, так во дворец - где еще отловить Окулову, я не представляла.

Но не пришлось. На следующий день чуть ближе к обеду визит мне нанесла Ольга Николаевна со своей статс-дамой. После двухмесячного затишья события понеслись как-то уж слишком...

*** Профессор Вундерлих:

Глава 3

Снаружи, по ощущению, стоял собачий холод, хотя заморозок не был таким уж сильным - часам к десяти утра иней, красиво укутавший все выступающие поверхности, почти весь истаял под ярким солнцем.

И все-таки холодно... как быстро я забыла, что такое настоящий холод, настоящие морозы.

Укутавшись в кашмирскую шаль, я встречала гостей у порога дома. Не представляла себе, что заставило Ольгу сделать этот визит. Дружбы или даже просто доверительных отношений между нами так и не случилось. Настоящей потребности в общении друг с другом ни у меня, ни у нее будто бы не возникло.

Вежливо улыбаясь, я смотрела на красиво украшенную карету и роскошно одетых женщин в ней. Привезенный из России в числе прочих слуг кучер, мальчик грум в богатой ливрее... придерживая тяжелый бархатный подол платья, это на его руку опиралась Ольга, опуская ногу в светлом сапожке на мощеную камнем площадку двора. Чужое богатство и даже роскошь, возможности, власть... я собиралась беззастенчиво пользоваться всем этим. Совесть молчала, потому что не для себя лично.

Странно, но Окулова только приветливо кивнула, не выходя из экипажа, а из-за ее плеча тянули шеи две убранные в локоны женские головки... ну чисто любопытные курицы.

Боковое зрение отметило еще какое-то движения, взгляд метнулся туда – худущий молодой кот или кошка, почти котенок еще, жался к голым кустам невысокой изгороди. Слабое «мяв» обратило на себя и внимание гостей.

- Да здесь никак счастье в дом! Рождественский подарок, - всплеснула она руками.

- Почему сразу в дом, Ольга Николаевна? – не поняла я, - может, это соседская Мурка.

- Непохоже на то – выглядит недокормленной. И не принято... нельзя, невозможно отказывать от дома в Сочельник или Рождественские праздники. А кошка и вовсе к счастью.

- То-то их неприкаянных в Петергофе немеряно, - проворчала я, приглядываясь к «счастью». Обычная полосатая кошка. Вспомнились мои мечты об этом доме, корзинка с котятками у камина...

- Ею пускай займется прислуга, а у меня краткий разговор к тебе, Таис - наедине, - подошла гостя ближе, кутаясь в серебристый мех короткой накидки.

- Пройдемте в дом тогда, Ольга Николаевна, зябко стоять снаружи. Мы будем наедине – Фредерик рано утром отбыл на службу, - вежливо присев, пропустила я ее в дом, - может Анна Алексеевна и дамы пока выпьют чаю? Я велю подать.

- В другой раз, - получилось у Ольги резковато.

- Как скажете, - слегка пожала я плечами. Дурацкая привычка.

В гостиной она прошла, еще раз оглядывая стены, занавеси... Глубоко вздохнула и обернулась ко мне. Присела в кресло, кивнув в ответ на мой приглашающий жест.

- Его величество приставил ко мне своих соглядатаев – это две фрейлины. Знатные фамилии, приятные манеры, но все это - приказным порядком. Еще меж нами имел место разговор, и он требовал от нас с Карлом поспешить с внуками, - хмыкнула Ольга, распуская все-таки бант меховой накидки и кладя ее к себе на колени.

Я вежливо убрала ее в сторону и только потом села, успев за это время подумать.

- Вы могли отказаться от соглядатаев, мотивируя тем, что не желаете в трудное для страны время увеличивать расходы на свой Двор... или как-то иначе. Да просто не желаете подле себя чужих людей!

- Ты сейчас всерьез говоришь, Таис? – вспыхнула она, - неуж-то сама посмела бы перечить королю?

- Да я только то и делаю, что перечу ему, - пришлось признаться, - и кажется, ему это даже нравится – его любимая жена, ваша тетушка Екатерина Павловна похоже была своенравной особой.

- Его любимая... возможно. Но знаешь ли ты причину, по которой она умерла? Был праздник, отмечали рождение их дочери и Ее величество, едва оправившаяся от тяжелых родов, застала своего мужа с другой женщиной. Ее любящее сердце не вынесло подобного удара.

- Не возьмусь судить его в этом, Ольга Николаевна – плохо разбираюсь в том, как мыслят и чувствуют мужчины. Но в этом случае только случай похож и виноват, смерти своей жене он не хотел. И смею предположить, что именно в память о ней – Екатерине Павловне, многое прощается мне. Ваш отпор – вежливый, но твердый, почти уверена – был бы оценен Его величеством. К старости мы также станем сентиментальны, осознаем свои ошибки и оценим потери. Возможно, он жесткий и даже жестокий человек, но не самодур, как и ваш отец впрочем – должность обязывает.

- Мой отец... человек добрейший, Таисия Алексеевна, - непримиримо поджала губы Ольга.

- К своей семье, Ольга Николаевна. К остальным он бывает милостив, но добрейшему человеку не место на престоле – здесь я с вами не соглашусь.

Я теряю ее сейчас – пришло вдруг в голову. Но и подлизывать тоже... извините! Мой прямой, пускай и дрянной для этого времени характер принял даже Вильгельм, придется принять и ей. Или же нет. Я и так достаточно одинока здесь, ничем новым отстраненность Ольги не грозит. Пользоваться ее именем можно и продолжить при случае – моя совесть имеет допуски.

- Кроме того... - помолчав, ровно продолжила моя гостья: - У меня имеются для вас, Таисия Алексеевна, и еще новости: тот врач – Земмельвейс.. он отказался от приглашения в Вюртемберг. Не счел возможным оставить своих пациентов.

- Можно подумать, каждая по полгода рождает, - расстроено пробормотала я, - что-то еще?

- Что-то еще... - вздохнула она, - каковы на это время ваши отношения с мужем, Таисия Алексеевна? Ежели он ночует в вашем доме.

- Добрые, - удивилась я, - хорошие у нас отношения. В моем доме всегда есть место для моего мужа. А почему вы интересуетесь?

- О нас... о нас с Карлом знают только мой духовник и вы. Мне необходимо говорить об этом, нужно выговориться хоть изредка, иногда! – давилась она словами. И может именно сейчас была озвучена истинная причина ее приезда сюда.

- Кризис. Уже, - кажется понимала я, - рановато, хотя-а... может это затяжная осень, погода так действует? Мне также необходимо постоянное занятие, Ольга Николаевна. Безделье, а именно ему мы с вами предаемся, не способствует... Мы с Дашей уже нашили уйму пеленок, устроили дом, я настойчиво учусь игре на гитаре и делаю успехи надеюсь. Но по факту, мы с вами две бездельницы, а это скучно. Мне бы книг хороших... больше ничего в голову не приходит. А Земмельвейс глупит, его там доконают. Я в свою очередь попытаюсь - напишу ему, возможно буду более убедительна, – печально кивнула я.

Качели какие-то – то успех, хотя и относительный, как с Вундерлихом... но и заслуги моей там нет - просто случайно надавила на больную точку. Сейчас же очередной провал - с Земмельвейсом. Люди опасаются резко менять свою жизнь, ценят какую-никакую, но стабильность - ничего нового, все, как всегда. Было, есть и будет.

- Таис... вы странная – знаете? – встала с кресла Ольга, - странно говорите, совершаете странные поступки, странно мыслите. И да – отныне предпочитаю общаться с вами «на вы». Это не в ознаменование моей немилости, не подумайте.

- Странная, знаю... и всегда была. Анни часто упрекала меня в этом. Вы помните ее? - поинтересовалась я с улыбкой.

- Мятая фрейлина Адлерберг? Сбежавшая под венец с нищим кавалергардом. Министр отвернулся от дочери, кажется даже отрекся, - вспоминала Ольга.

Я вытаращила глаза... и сразу широко, с облегчением улыбнулась.

- Горжусь Анни... лучше так, чем замуж за старика, да и нищета ее избранника относительна, так же? Не думаю, что государыня зажала... простите Бога ради – не дала за ней приданого. Этого мужчину Анни приняла душой, там чувства... или они готовы были возникнуть. И это единственная возможность для нее быть рядом с мужчиной – любым из прочих. А... Николая, кажется? Николая она чувала родным человеком, доверяла ему. И нет, Ольга Николаевна, я не соучаствовала ее поступку, только извещена была о намерениях. Но получилось ли у нее, узнала только сейчас. Я рада за Аню. Хотите знать ее историю?

А дальше я рассказала о реалиях жизни в Смольном и глубочайшем потрясении, пережитом Анной.

- О таком я даже не подозревала, а ведь два года с пятнадцати лет посещала занятия в Смольном институте. Не все, выборочно... - печально улыбалась Ольга и вдруг встрепенулась, выпрямилась:

- Едва не забыла - Рождественский бал во дворце. Я привезла вам с принцем приглашение.

Я растерянно приняла в руки красиво оформленную открытку, сомневаясь...

- Ваше платье цвета бирюзы, Таис. Или то – золотистое, с небольшим шлейфом, они оба подойдут к случаю. И украшения, конечно. Ваш муж также приглашен. Но это приглашение не та причина, я могла бы просто прислать его вам... - слегка замялась она, но потом решительно продолжила: - Хотелось бы приезжать вот так иногда, это будет не так часто, я не стану докучать своими визитами.

- Обязательно приезжайте, я буду рада, тоже скучаю. И минутку еще... я принесу письмо для Константина Николаевича, мы с ним сговорились переписываться через Анну Алексеевну. Ее переписку отслеживают не так пристально, как вашу. Это мой ответ ему, он с нетерпением ожидает... вы не против, передадите ей? – и улыбнулась уже через плечо, - только незаметно для соглядатаев.

Вернувшись с запечатанным уже письмом, заметила пристальный взгляд Ольги, обращенный на пакет в моей руке. Она медленно подняла его к моему лицу, но, так и не взглянув в глаза, быстро спросила, тут же отворачиваясь и будто бы занявшись одеждой:

- Как это – быть с мужчиной, Таис?

- Не попробуешь – не узнаешь, - кивнула я с пониманием, - это не объяснить. Но я совсем не жалею, что пришла к нему тогда.

- Вы?! Это вы к нему пришли, разве не Костя? – поразила Ольга. меховая накидка, которую она успела накинуть на плечи, соскользнула на пол.

- Но ведь ваша горничная, кажется... это же она стучалась в его дверь? - не поняла я, - чтобы предупредить нас о приближении рассвета?

- Нет, не совсем так... я велела стучаться к вам. Но это неважно! Мне пора - коляска ожидает, - вдруг жарко покраснела Ее королевское высочество и заспешила, спешно завязывая бант на шее и путаясь пальцами в ленте.

Проводив ее и дождавшись отъезда кареты, я поискала взглядом кошку. Думать о том, что узнала сейчас я и открыла похоже для себя Ольга, не хотелось – пускай устаканится и осознается. А кошка или кот... животное уже переместилось ближе к дому, припав под моим взглядом к земле и опять слабо мяукнув. Ну... это мы еще посмотрим.

Попросив Дашу заняться прибрудышем, я уселась в кресло и замерла раздумывая, потому что пришло в голову...

Собственно, после слова «коляска», озвученного Ольгой, и пришло - а что, если обратиться к каретным мастерам, предложив им вариант создания традиционной для будущего времени детской коляски? Понятно, что нужен хотя бы простейший чертеж, хотя бы рисунок... С этим поможет Фредерик, да и патент, если он состоится, тоже лучше оформить на мужчину. Лишние деньги нам не помешают, да и прогулок с ребенком на свежем воздухе без коляски я не представляла. Вспомнилась в связи с этим не то тачка, не то корыто, приспособленное к этому делу изобретательной нянькой... но то было летом.

Повеселев, я отправилась смотреть кошку. Даша во дворе вычесывала ей блохи. Мелким гребешком и основательно.

- Нужно бы еще искупать, они же прыгучие, - засомневалась я.

- Не на морозе... искупаю понятно! С полынью, - согласно кивнула женщина и улыбнулась, заставив меня внимательно присмотреться. Кажется, впервые вижу Дашу улыбающейся – поразила я этому открытию.

Что же я за человек такой?

Хотя всегда чувствовала себя будто слегка... поверхностной, наверное. Разум всегда преобладал над эмоциями. Не совсем бездушное восприятие мира, но, чтобы я ощутила ярость, к примеру, или что-то еще, заставившее утратить контроль над собой... не знаю, что должно было случиться. Муки жалости, сострадания, внутренний надрыв – все это благополучно меня огибало, а свои неурядицы только заставляли стать собраннее.

Может позднее заживание такое, то есть... запоздалое осознание происходящего? Высокий барьер психической защиты, низкий уровень сопереживания? Без понятия! Но было однажды - у гроба трагически погибшего одноклассника. Четырнадцатилетняя уже, я не чувствовала ни-че-го. Будто стеклянная стена отгородила меня от мира и понимания случившегося. Я так и не прониклась полностью – ни вскорости, ни много позже. Если это защита, то она так и не исчезла, помню только, что старалась гнать из памяти то происшествие, не разрешая себе даже думать о нем.

Все мы родом из детства, так может что-то такое там?... Случилось, а я даже не помню. То, что установило этот экран на психике, защищая и сразу лишая меня чего-то важного. Или ненужного. Теперь и не узнаешь.

А способна ли я вообще чувствовать в полную силу? По-настоящему.

И что тогда мое чувство к Косте? Бесконечное уважение к его личности, восхищение его внутренними качествами, любование внешностью и тем лоском, который придало ему воспитание – безусловно. Он и выглядел, и вел себя так, что я обязана была в него влюбиться. А еще желание... или это просто похоть, возможно еще любопытство, интерес к неизведанной стороне жизни. Но ведь только в отношении одного единственного человека? И эта нежность...

Что она такое вообще - любовь?

Готова ли я умереть за свою и чем еще готова жертвовать ради нее? Я не знала и копать в этом большого смысла не видела – заведет еще... хрен знает куда! Вряд ли даже хороший психолог разобрался бы в этих дебрях – человек индивидуален, психика каждого отличается, как и мировосприятие. Вон какой - донельзя странной, была любовь Вильгельма к Екатерине Павловне... но она была, я уверена.

- Как кошечку-то назовете, барышня? – внесла Даша в комнату дрожащее мокрое создание, кутая его в чистую тряпку.

- Все-таки это кошка, ты уверена? Пускай тогда Мурка, – решила я, - корзинку ей соорудим у камина.

Легонько почесав между кошачьими ушками, я вызвала этим очередной слабый мявк и тихое урчание потом.

- А и пушай будет Мурка, - кивнула, так же слабо улыбаясь, Даша.

И потянуло к ней что-то такое... приобняв ее, я молча рассматривала из-за ее плеча мокрую башку некрасивой худущей кошки, с чего-то вдруг оказавшейся рождественским подарком. Наглый петергофский кот нравился мне гораздо больше.

Ничего... посетим бал, получим патент на коляску, сошьем медицинский халат Вундерлиху. А еще нужно освежить произношение французского и английского – язык врага нужно знать в совершенстве. Буду ждать известий от Кости, писать ему. Познакомлюсь с соседями. Кажется, здесь так принято, а я так и не удосужилась. Ничего, ничего... все не так печально, а там и княжич на подходе. Меломан похоже родится – мои пассажи на гитаре успокаивали его, заставляя притихнуть в животе.

*** Одна из первых детских колясок производства Уильяма Ричардсона. 1889 год. До создания первой коляски около 40 лет.

(C)Artantique.ru

*** следующая глава мужская.

Глава 4

Утро уже не было ранним, оставаясь пасмурным после ночного дождя. Впрочем, как и лица трех мужчин, собравшихся в просторном кабинете главного командира Черноморского флота и портов Черного моря, военного губернатора Николаева, но уже не Севастополя.

Высочайшим приказом город был выделен в отдельное подчинение непосредственно Морскому министерству.

Формально вице-адмирал Лазарев являлся старшим по званию и начальником контр-адмирала Романова, но ни разу себя таковым не чувствовал. Понимал причины, знал, как избежать сложностей положения, но не готов был что-то предпринять в этом направлении, пока еще не готов. Не сейчас!

Ладно, мальчишка взялся поиграться Севастополем – это-то Лазарев еще намеревался как-то контролировать, так он еще и фонтанировал безумными идеями, угрожавшими сорвать серьезные, давно намеченные планы. Возможно, в чем-то Романов и был прав, но правота эта бледнела на фоне основного бреда, который он нес и которому желал подчинить в том числе время, планы и чаяния Лазарева.

Поэтому и противилось что-то внутри не то что сближению, но и просто - принятию... К тому же, третий день как Лазарев вышел на службу, толком не долечившись - Романов ожидал возможности представиться и принять должность. Заставлять Высочество ждать слишком долго было нежелательно.

Его высочество...

Лазарев был боевым адмиралом, полжизни проведенным на корабельной палубе. Шаркать и прогибаться обучен не был, как и всем нравиться. И учиться этому на старости лет желания не ощущал. Здоровье к тому же подвело в очередной раз – шалил желудок, испорченный годами питания «чем Бог послал», а именно так выглядел рацион моряка в дальнем походе – солонина, сухари, часто сухомытка, плохая вода и кислое вино.

Сразу после Романовского представления на должность, Лазарев заявил, что раз им предстоит служить вместе, то и воспринимать молодого адмирала он желает, как сослуживца, а отнюдь не как представителя правящего дома. Чем вызвал довольную улыбку на лице того и сразу же – предложение перейти к обращению неформальному, по имени-отчеству.

- Таковое еще заслужить надобно, - упрямо проворчал Лазарев, кроме прочего чувствуя еще и стыд за свое поведение в Николаеве. Черт его знает – зачем он это делал тогда? Истерика какая-то произошла, ей-Богу! В общем и целом, некрасиво вышло.

- Буду рад стараться, - вежливо отвечал новоиспеченный контр-адмирал.

Будучи представлен высшему офицерскому составу флота, он чрезвычайно грамотно подошел к знакомству, с ходу запоминая имена-отчества-фамилии-звания и тут же предложив провести неформальную встречу для более близкого знакомства. Просил рекомендовать место для этого.

Много... было много таких вот мелочей, нюансов и тонкостей, может и обычных для человека, вращающегося в высшем свете, но заставляющих остальных прочих чувствовать себя рядом с ним на самую малость, на какую-то ерундовину, но... ниже, что ли? По воспитанию, образованию, а по факту и никуда от этого – рождению.

Кажется, в любом обществе это даже норма, не зря же и собираются, и группируются все по рангу да по чину, но здесь – вот так... приходилось признать.

Пока готовили его кабинет, второй день службы молодой адмирал посвятил подробному знакомству с городом. В местное общество он вошел немного раньше - как Великий князь, еще не представившись на должность. Так и получилось, что бал в честь его прибытия случился

без хворающего Лазарева, но насколько блестяще он прошел и как Романов очаровал собой общество, особенно женское, говорить будут еще долго.

В третий же день... будто уже получив разрешение на все, он стал посвящать их с Корниловым в свои далекоидущие планы, от которых у Лазарева вдруг зашевелились волосы на голове. И он, уже почти вознамерившийся забыть свои обиды, сорвался...

- Неужели же, господин контр-адмирал, вы действительно верите в нападение Великобритании? И даже не на Санкт-Петербург, что совершенно безумно, но было бы хоть как-то оправдано, но - на Севастополь! Когда главным торговым портом Черноморья является Одесса, основной центр судостроения – Николаев. Туда же, кстати, в связи с последними событиями, вынужден буду вскорости перевести главный штаб флота. Вот их захват стал бы настоящей катастрофой для России. Севастополь же еще строится, это пока только гавань и достаточно просто заблокировать ее с моря. Я не умаляю значение Севастополя для флота, но с точки зрения стратегии... какой дурак станет брать укрепленный город, когда есть те же Одесса или Екатеринодар со Ставрополем. Стратегически не оправдано! Ведь даже если агрессия принесет свои плоды... – сразу же и откестился от такой перспективы Лазарев и, нервно наполнив стакан, выпил воды - полный графин с плавающими ломтиками апельсинов в ней стоял на столе. Чуть помолчал, отдышавшись и продолжил:

- Но и в этом случае у Российской империи будет предостаточно времени, чтобы блокировать угрозу дальнейшего вражеского продвижения вглубь материка, создав оборонительный заслон у Перекопа. Но вот появилась эта игра... и все будто с ума сошли – все молодые офицеры. Я всегда приветствовал и приветствую патриотические настроения, но возвращать их следует на реальной почве, а не глупыми инсинуациями! - ярился Лазарев, окончательно разочарованный и откровенно расстроенный намерением Константина отозвать из Великобритании предварительный платеж на строительство паровиков.

Пушай и достаточно грамотно обоснованное, намерение это бесило своей категоричностью. Потому что первопричины такого решения звучали дико. Но, что самое неприятное, Лазарев понимал, что ничего с этим поделать не сможет. Все будет так, как решил императорский щенок. Прости, Господи, даже мысленную хулу на семейство помазанника божьего! Но факт то, что якобы продолжая являться командиром и начальником, на самом деле Лазарев был бессилен противостоять глупостям, которые собирался творить этот мальчишка.

А тот держался воистину по-императорски, черт возьми! Осанка... ровный и учтивый тон в разговоре... невозмутимое выражение безусого лица - спокойное и доброжелательное. Но за всем этим безусловно чувствовалась предельная собранность и стоическая непреклонность относительно принятого уже решения. Морская форма на стройном юношеском теле сидела идеально, золотые адмиральские эполеты щегольски топорщились, делая плечи шире, а стан тоньше. Порода чувствовалась во всем его облике, в каждом движении, взгляде и слове... и это бесило! Потому что, ко всем своим достоинствам, мальчишка был неправ, он был неправ!

Собственное бессилие чувствовалось настоящей катастрофой.

Лазарев скривился от боли, вновь отозвавшейся внизу грудины – не отпускала проклятая... шестой уж день, а все еще отголоски. Лекарь просил избегать нервных потрясений.

А Романов тем временем отвечал:

- Вы спрашиваете – верю ли я в нападение Великобритании на российские территории? Нет, господин вице-адмирал, на данный момент я в него не верю, - прозвучало неожиданно и Лазарев насторожился, усилив внимание.

А Высочество ровно и даже будто задумчиво рассуждал, практически повторяя его мысли:

- Было бы крайне рискованно со стороны бриттов так явно обозначить давно длящееся и все-таки условно скрытое противостояние меж нами. Это был бы полный разрыв отношений, сейчас частично являющихся даже взаимовыгодными. Но, с другой стороны... в случае успеха

они приобретают под свой контроль Средиземное море, которое давно уже является средоточием мировой торговли. Россия же в этом случае будет совсем лишена подобных возможностей, как и сухопутных торговых путей в Азии. А еще обязательно лишится того влияния, которое имеет сейчас на Европы, дабы держать там свои интересы... С такими результатами подобный демарш со стороны бриттов был бы вполне оправдан. Накал нашего соперничества все повышается и к чему это приведет через несколько лет, судить трудно. К тому же, еще не решен окончательно наш конфликт с Османской империей. Согласитесь, что конфронтация обязательно выльется в не одно еще морское сражение – в 28 году Османская порта аннулировала условия Аккерманской конвенции и проход для российских военных судов через Босфор ныне закрыт. Но и для торговцев тоже... при каждом ухудшении отношений между Россией и османами этот торговый путь оказывается под угрозой. Нам необходимы проливы, нужен свободный выход из тесноты Черного моря. Мы выросли из него или же вырастаем...

- Признайтесь, господин контр-адмирал – эта треклятая игра ваших рук дело? – тихо прервал его Лазарев. Боли усилились, требовалось прилечь.

Константин прямо взглянул ему в глаза - совершенно спокойно и только пальцы в белоснежных перчатках чуть дрогнули на коленях.

- Повторюсь – в нападение Великобритании в ближайшее время я не верю, сейчас к этому нет предпосылок. Да и на будущее... ознакомившись с игрой, вначале я был возмущен так же, как вы, господин вице-адмирал – невыносимо трудно... почти невозможно разом перестроить мышление и сменить его приоритеты. Мне понадобилось время на осмысление. А стой я у истоков создания игры... то и вовсе вооружил бы османов паровыми британскими фрегатами, якобы продав им боевые корабли. Обучил бы османские экипажи. Возможно, что и вооружил их десант передовым стрелковым вооружением, а воины они знатные. На мой взгляд, это более отвечало бы современным реалиям, что не отменяет для нас с вами угрозы нападения. Предпочитаю перебдеть, как говорится...

Деликатно кашлянув, в разговор заинтересованно вступил Корнилов:

- Но у них также соперничество меж собой на Востоке. Османская империя не желает смиряться с потерей своего влияния. Когда-то её границы простирались от Вены на севере до Йеменского Мутаваккийского королевства на юге, от Алжира на западе до Каспия на востоке. А ныне территории ее значительно урезаны, могущество и возможности стремительно уменьшаются.

- Кроме той, где она тормозит Российскую империю в ее желании широко торговать посредством моря, - кивнул Константин, - наша вражда имеет настолько глубокие корни, что ожидать следующей войны с Портой только разумно. Рано или поздно, но все должно разрешиться окончательно и бесповоротно. Великобритании безусловно желательна победа подверженной упадку Порты, а не с каждым годом усиливающейся России. Сдружиться с ней против нас, пускай и временно, было бы только умно... Я ожидаю нападения на Севастополь, а не Николаев, к примеру, по той причине, что он не замерзает и находится в получасе хода от открытого моря. Балтика же, Николаев, Одесса и Керчь замерзают зимой, а это, ко всем сложностям для нападающих, ограничило бы военную кампанию во времени. Таким образом у нас остаются только Севастополь, Балаклава, Евпатория и Феодосия. Пригоден же к стоянию флота лишь Севастополь с его Ахтиарской бухтой, он незаменим, и мы все здесь прекрасно это понимаем. В том числе и то, что не готовы к нападению с моря, только поэтому согласен с вами, господин вице-адмирал - блокада бухты обязательно даст свои плоды и неважно чьими силами она будет осуществлена, - кивнул своим мыслям Константин и продолжил, обращаясь к Корнилову:

- Посему и предлагаю соединить наши усилия и возможности дабы исключить даже иллюзорную возможность поражения в будущем конфликте, если он случится. Остальное... а именно – вопрос наших вложений в финансовое благополучие Великобритании и неверия в

собственные возможности, предлагаю отложить на будущий раз – я не лекарь, но вам, господин вице-адмирал, – обернулся он к Лазареву, – необходимо прилечь, а то и взять еще несколько дней для лечения. Боли написаны у вас на лице.

Лазарев не стал отрицать. С явным усилием встав из-за стола и шагнул в сторону двери, за которой была оборудована комната отдыха, неопределенно мазнул взглядом в сторону Константина.

- Благодарю за понимание и более не задерживаю.

- Позвольте занять на несколько минут господина капитана 1 ранга. Хочу уточнить одну вещь... это не касает сегодняшней темы, – вежливо уточнил Великий князь.

- Не препятствую, – и грузная невысокая фигура Лазарева скрылась за дверью.

- Зовите врача немедленно, – прошептал Костя, – ужасно себя чувствую – до предела виноватым. Но вынужден... вынужден решать срочные вопросы посредством обсуждения – как иначе?

- Бросьте, Константин Николаевич, вашей вины нет – так сложилось и совпало. О чем вы хотели спросить? – заинтересованно блеснули глаза мужчины.

Мужской успех Великого князя на прошлом балу встряхнул провинциальный город. Маленький Севастополь бурлил даже по прошествии четырех дней. Все в нетерпении ожидали ответного бала, дамы усиленно к нему готовились. Модистки и белошвейки страдали от недосыпа и вместе с тем радовались заработку. Общество сомневалось и спорило относительно того, кому из дам досталось больше внимания и симпатии Великого князя. А учитывая то, что все тонкости этикета были им соблюдены в точности и вел он себя безукоризненно, споры были жаркими.

Поэтому и вопроса наедине Корнилов ожидал соответственного – об одной или же нескольких дамах, возможно привлечших внимание молодого человека. Молодость, страсти по женскому обществу, горячая кровь... еще помнил себя таким.

Серьезно кивнув, Константин увлек Корнилова в кресла опустевшей приемной – адъютант умчался за лекарем.

Усевшись, тяжело сглотнул, на мгновение прикрыв веки. Распахнул глаза, решившись...

- Несколько дней уже пребываю в состоянии... чрезвычайно нервном, Владимир Алексеевич, а еще и растерянном, что непривычно для меня.

- Дело молодое, – согласно кивнул Корнилов.

- Да... страдает мое любопытство, а вернее – врожденные пытливость и дотошность, – явно нервничал юноша, – ненавижу, знаете ли, пребывать в кромешном неведении. А его демонстрируют все окружающие, оставляя и меня в подобном же состоянии. Позвольте вопрос – что за неведомые приспособления устроены в стенах Северного укрепления? Высокие металлические цилиндры прислонены к ним вплотную на равном расстоянии по всему продолжению галереи. А подобию корабельных тросов, но только в металлическом исполнении... они выходят из цилиндров и далее вмонтированы в стены... сам камень стен. Что означает сие приспособление, каково его назначение, в чем его смысл?

Капитан 1 ранга отвел взгляд и расстроено постучал пальцами по колену.

- А что вам отвечали по этому поводу?

- По-видимому, то же, что собираетесь ответить и вы – не могут знать.

- Именно не могут, Константин Николаевич, а не – не хотят. И я не могу знать. Документы на сие приспособление за давностью лет не сохранились или же уничтожены. Или же вывезены в столицы – были на то надежды. Но на запросы от имени Михаила Петровича, ответ один из Москвы и Санкт-Петербурга: таковых в архивах и прочих хранилищах документов не найдено.

- Быть такого не может! О какой давности идет речь? Полсотни лет всего... – подхватился с места Константин, – ну хорошо. Не доверять вам я не могу. Значит... сделаем еще одну попытку.

- Возможно, ваши возможности помогут выяснить хоть что-нибудь. Не прошу делиться результатом, если он будет, но очень надеюсь на это.

- И я надеюсь... - задумался Великий князь.

- Константин Николаевич, - заулыбался вдруг его собеседник, - так ваши воодушевление, увлеченность и даже страстность, отмеченные обществом на балу... неужели причиной тому лишь любопытная живинка, энтузиазм и рвение к знаниям?

- Да я толком спать из-за цилиндров этих не могу! – признался Константин, - взъерошен внутренне, взбудоражен... ночами снится черт-те-что, вскакиваю. Мысли сумасшедшие, догадки, терзающие мозг – невыносимо! Но я разгадаю, я на голову всех поставлю в столицах, но ответов добьюсь.

- Дерзайте тогда, - веселый доброжелательный взгляд удивил Константина.

- Простите, но... - кивнул он врачу, прошедшему вместе с адъютантом в кабинет Лазарева, - но чему вы радуетесь в таком случае?

- Это вовсе не радость, с чего вы взяли? Дело в том... все решили, что ваше состояние произошло под влиянием общества наших дам, или какой-то одной из них, - улыбался Корнилов.

- Дело молодое... действительно, – вспомнил его слова Костя и сразу улыбнулся как-то по-особенному, светлея лицом: - Ваши дамы прелестны все без исключения, но мое сердце уже занято и даже ради вежливости не могу сказать, что - к сожалению. Удивительная особа, единственная такая. Моя.

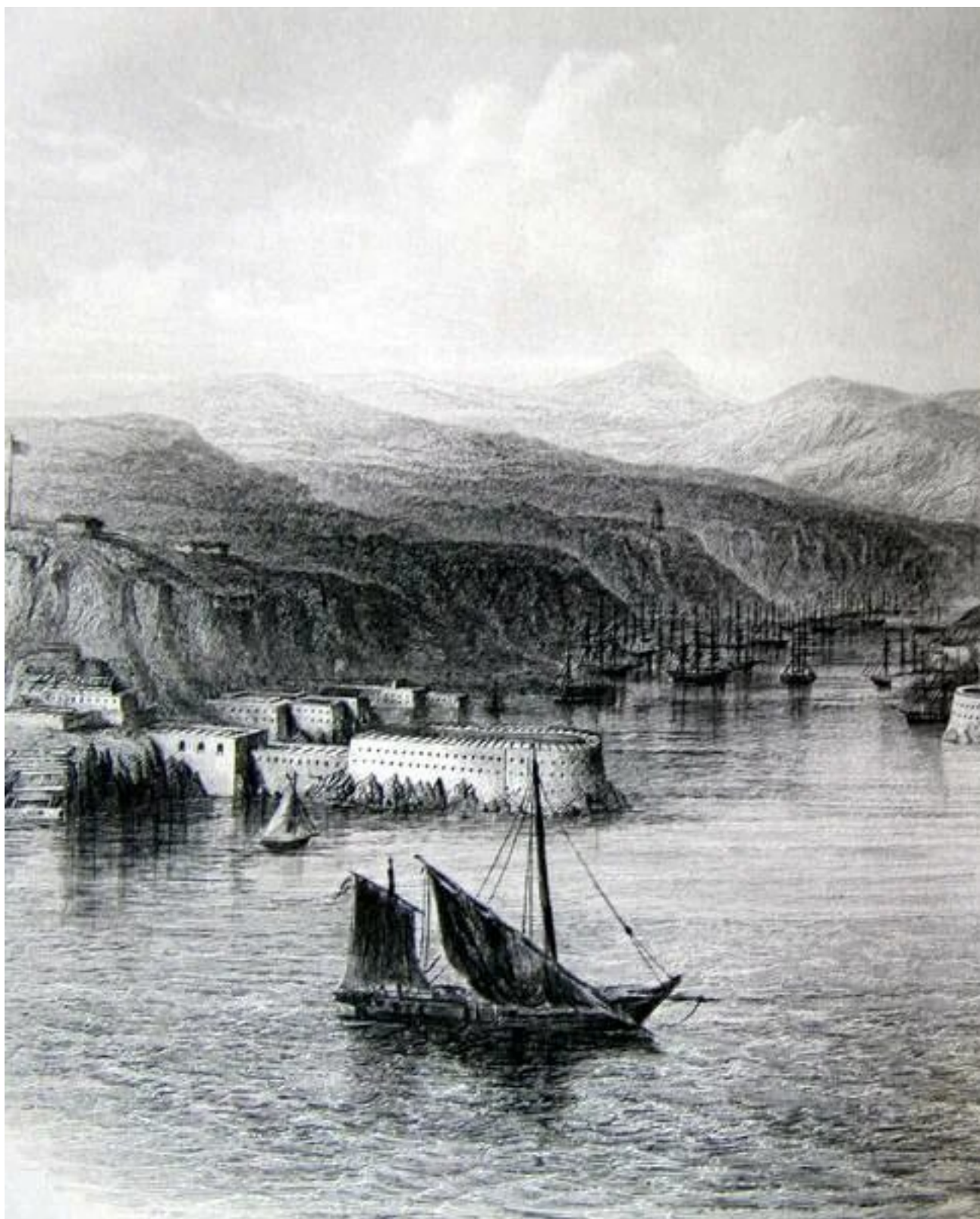
- Поздравляю в таком случае, Константин Николаевич. И ради такого случая... не держите вы обид на Михаила Петровича! Он болен и коснуться это может каждого из нас. Кроме того, вы правы – необходимо время, чтобы осмыслить, так дайте его ему. Он ведь служил с британцами, учился у них, помнит, как замечательных моряков, а может и прекрасных людей. И безусловно... - остановил он Константина взмахом руки, - безусловно – получив приказ, те ни разу не задумаются о былых знакомствах. И все же подобное влияет. Я же... пожалуй, что буду благодарен вам, ежели моя поездка к бриттам не случится. Не хотелось бы оставлять надолго семью и зимы там мерзейшие... да и прочие-разные причины, - и себе встал с кресла мужчина.

Натянув у входа фуражки, офицеры коротко козырнули друг другу, расходясь в разные стороны. Корнилов – на 90-пушечный «Эмгейтен». Следовало решить окончательно – уже полностью лишенный вооружения, готов ли тот к переходу в Кронштадт, где его должны грамотно тимберовать*** используя дальше, как плавказарму. Севастополь же больше в нем не нуждался.

Костя еще оглянулся, проводив взглядом высокую, уже чуть огрузневшую фигуру сослуживца и зашагал дальше – в полдень договорились встретиться с офицером, который ознакомит его с севастопольскими доками.

***Термин "*тимберовка*" происходит от англ. слова *timber*, означает замену подгнивших элементов корабля

Ахтиарская бухта:

Глава 5

В прежнем моем понимании год делился на четыре части. Осень не являлась частью зимы и наоборот. Но здесь нужно было внутренне перестроиться. Смириться с фактом, акклиматизировавшись еще и психологически.

Снова испортилась погода и, конечно же, влияла на настроение, но дело не только в ней – я не тянула. Проснувшись утром и поняла, что не тяну. Не справляюсь. Решить вопросы своего благополучия еще способна, но что касается глобального...

Во-первых – Ольга.

Несмотря на наш мирный разговор и ее желание чаще видаться, кронпринцессу, как помощницу в моих планах, можно было сбросить со счетов. В той истории она не так и плохо прожила свою жизнь... уверенность в правильности своего выбора, это важно. На ней все и строилось.

Была благотворительность, пускай и позже – когда Карл стал королем... сейчас, при папеньке, не особо и разгуляешься с этим, разве только на свои. Потом появилась Верочка, а с ней и новый смысл жизни. Первые годы ее «акклиматизации» были трудными, но она держалась и справилась, а дальше привыкла, втянулась и смирилась.

Но теперь перед глазами у нее я – с ребенком, зачатом вне брака, вся в ожидании материнства... с наплевательским отношением на приличия, сама предложившая себя мужчине – Косте. Для нее, наверное, это шок, поправление всего и вся, пример того, как делать ни в коем случае нельзя. И здесь налицо тот самый когнитивный диссонанс – столкновение противоречивых представлений, убеждений и ценностей: нарушившая все, что только можно, я, тем не менее, стану матерью, люблю сама и любима вопреки всем и всему. И что важно – любовь эта реализована, девичьи мечты и неясные грезы воплощены в жизнь. У меня, не у нее. Отсюда и вопрос – как это быть с мужчиной.

Предполагаемая сестра по монастырю и подруга по несчастью оказалась не тем, чем казалась...

И в виду такой несправедливости вся ее решимость жертвовать собой во имя интересов семьи и империи потихоньку рушится, хотя она пока еще этого и не осознает. Ради чего, получается, все ее жертвы? Если и Мэри плюнула на всех, кроме себя, и по-своему счастлива, любима родителями. Александр, тот вообще... живет исключительно в собственное удовольствие. И даже Костя взбрыкнул, ради любви отказавшись от Алекс Иосифовны.

При таком раскладе все теряет смысл. Ольга умница и все это поймет сама. Думаю, уже скоро.

Костя теперь...

Это я подтолкнула его к Севастополю. Но он сам нашел в этом серьезный повод к взрослению и стремлению к большему. К принятому у настоящих мужчин испытанию себя, необходимому для внутреннего роста и развития. На Севастополь его сил и знаний точно хватит, а там шагнет и дальше, расширяя для себя возможности и горизонты.

Каждый день я перечитывала его письмо. Не акцентируя больше внимания на постскрипте. Я же и сама такая... хрен сдвинешь, если что-то решила.

Он поможет Севастополю – я уверена. Чего там не хватало при Лазареве? Умница же мужик! При нем затрапезный городок потихоньку становился настоящим городом и крепостью, причем проектированием и проверкой подряда по вооружению занимался лично царь – как артиллерист он имел отличное образование. Кстати, этот факт ставит большой вопрос о прорыве англо-французского флота в гавань Севастополя. Да, я помнила ту байку про барку-

цель, по которой вели огонь все батареи Севастополя, но не попали. А может это и правда... Но кто мешал качественно подготовить комендоров? Улучшить выучку артиллеристов?

Я постараюсь, найду слова, подскажу...

Предупрежден, значит вооружен. И, как ни странно, не так о Севастополе сейчас была моя головная боль. Его падение – следствие. Следствие безграмотной внешней политики, ошибок внутреннего управления. По какому принципу вообще совершались назначения на должности? Непонятно...

Морским министерством, к примеру, сейчас командовал некий Меньшиков – как и его однофамилец при Петре I, этот воровал безбожно. А еще вернее – ему было по фиг! На флот, его организацию и боеспособность, на все, кроме собственного благополучия и статуса.

А Николай верил в то, что он – помазанник Божий, а значит должен править от Бога. Милостиво. Или так сказалось детство, когда воспитатель душу выбивал из него розгами или швыряя о стену? Николай Палкин был просто до оскомины, на мой взгляд, всепрощающим и милостивым. И только в крайних случаях, исключительно крайних он показывал зубы, а надо было...

Из таких вот мелочей – штрихов и мазков, складывалась полная картина, рисовалась обстановка, а потом и причины Крымской войны. И ничего поделать с происходящим я не могла. Всегда понимала это, потому и сосредоточилась на малом – укрепить насколько возможно флот и Севастополь. Потому, что только я знаю! Поэтому только я и могу что-то сделать.

Или не успею, могу и не успеть.

Земмельвейс не принял милостивое предложение короля. Или как там его обставили? Явно же недостаточно убедительно. Сухо, неконкретно, обтекаемо?..

Наверное, где-то в глубине души я надеялась на него в случае осложнений (не дай Бог) – практик же. Сейчас, с его отказом, ожили все мои страхи. На фоне прекрасного самочувствия и когда, казалось бы, ничего не предполагает, случиться может что угодно – это роды.

Даже в наше время только около 40% их протекает физиологически, в остальных случаях определяются различные виды осложнений. Я не специалист, но такое, как преждевременная отслойка плаценты, узкий таз, неправильное положение и предлежание плода, патологии развития... да просто врачебные ошибки наконец! Все это было на слуху.

- Не беспокойте меня пожалуйста, не отвлекайте – буду занята, - попросила я Дашу, усаживаясь за стол и аккуратно раскладывая писчие принадлежности. Задумалась...

Если бы речь шла только о моей жизни... хотя для меня-то она бесценна и за нее тоже хочется бороться. Так еще и понимание, что изменить будущее могу только я. А это неправильно.

Мысль, последовавшую за этим, я пока прогнала – нужно было писать к Земмельвейсу, я обещала это Ольге, а еще была испугана, растеряна и зла – это и определило тон послания:

«Уважаемый господин Земмельвейс!

Очевидно, Вы не полностью осознали или просто не поняли возможностей, вдруг открывшихся пред Вами волей случая.

Похвально Ваше рвение отдать всего себя – силы, умения и терпение нынешним роженицам, но!

Осознаете ли Вы, насколько широких возможностей лишаетесь... то ли по собственной глупости, то ли по принципу «назло маме отморожу уши»? Кому и что Вы хотите доказать своим отказом, какие принципы при этом блюдете? Отдавая себя помощи нескольким женщинам, вы лишаете ее сотен и сотен других в будущем.

Я объясню.

Вам обещают клинику и возможность доказать тупым и закостенелым в своих убеждениях злопыхателям, что Вы всегда были правы: выживание рожениц и младенцев зависит не только от умений врача. Дело еще и в чистоте рук, в чистоте медицинского инструмента. В

соблюдении минимальных условий если не гигиены, то приличий – нельзя к даме грязными руками.

В общем... коллеги пророчат Вам в будущем сумасшедший дом, а если так пойдет и дальше, то я соглашусь с ними в этом – они смогут, доведут до такого финала. Почему нет? Вы же только отбиваетесь. Но лишь действительно убежденный в своей правоте человек способен преодолеть настолько устоявшуюся косность мышления, только он пойдет в наступление и найдет способ доказать свою правоту. Вам же прямо в руки кладут этот способ и заодно возможность спасти жизни сотням тысяч людей и не только роженицам.

И если бы подобное творилось только в Вене! В родильных домах всей Европы гибнут женщины и младенцы. Так не пора ли назвать услуги, предоставляемые клиниками, подобными Вашей «родовспоможением»? Ныне же они лишь инвестируют в похоронное дело.

Вы мужчина, так решитесь же в конце концов!

Вюртемберг сейчас разрабатывает теорию причин инфекции и предполагается она в существовании вредоносных микроорганизмов, распространяемых посредством грязи и видимых только под микроскопом.

Вюртемберг ищет пути создания лекарства, способного убить эти инфекции, и оно уже найдено. Дело за малым – найти способ выделить полезные частицы из общего раствора, преобразовав его в чистый лекарственный препарат. Ваша клиника могла бы стать местом его испытания и изучения, вы могли бы помочь спасти в будущем даже не сотни тысяч – миллионы жизней.

Тиф, сифилис, чахотка, раневые инфекции, детские болезни... Побойтесь Бога, господин Земмельвейс! Это он, не иначе, указал на Вас разработчикам средства по спасению всего человечества. Но Вы то ли трусите, то ли набиваете себе цену, как дешевая кокотка! Бог Вам судья, а я – последнее средство Его, чтобы указать Вам Ваш истинный путь.

Tais, prinzessin von Hohenlohe-Ingelfingen».

Вдохновение мля... не иначе.

Запечатав письмо и обозначив адрес отправления, я попыталась вернуть в голову только едва мелькнувшую перед этим мысль.

Дело же не только в неготовности Севастополя к интервенции. Не в наличии паровых кораблей и современных винтовок у врага... и даже «Максим» не решит задачу по предотвращению войны, если ситуацию просрут политики. На это повлиять я не способна – пора уже признать.

Я вообще... как-то быстро и уверенно сваливалась в быт, в мамкины заботы – коляски, пеленки... и то ли еще будет. Все это важно, но не за этим же я здесь? С главной задачей определенно не справляюсь, нужно искать другие способы...

В принципе такое развитие событий мною когда-то предусматривалось – сознаться в попадании, поделиться знаниями о будущем, дать дельные советы. Не свои, а маститых политологов. Те давно уже разложили все по полочкам – каждое действие, каждую ошибку внутреннего правления и промахи российской дипломатии этих лет, приведшие к войне. А значит... Нессельроде?

Мария Михайловна.

Как-то так случилось, что единственным человеком, которому я смогла бы открыться, чувствовалась она. В ней есть внутренняя сила... этой женщине я доверяю. Не бездумно и слепо – неспособна на такое, а потому, что понимаю ее. Для мужа и ради него она способна на многое, если не на все.

Как принимают важные решения люди власти, высокого полета - без понятия, но у меня случилось вот так – после вчерашнего визита Ольги Николаевны. После проснувшегося вдруг страха за свою жизнь и может как раз им вызванных беспокойных снов с картинками битвы за Севастополь. С участием в нем людей, больше похожих на призраков...

Лазарев уже болен или заболевает, но в той жизни должность свою он оставил еще до войны - ввиду необходимости лечения. Ее принял Павел Степанович Нахимов. Погиб он в битве за Севастополь и погиб странно - будто желая себе смерти. Стоя с подозрительной трубой на виду у неприятеля под свист прицельных выстрелов. Еще и посмеивался, глядя, как к нему пристреливаются.

Неплохи у французов стрелки?

Неплохи... Так что теперь – его место займет Костя? И вполне же в духе этого времени вот так бравировать смелостью, отвагой и пофигистским отношением к опасности.

Или действительно все случилось на подсознательном... как у Нахимова, так и у Николая I? Огромная дыра внутри от осознания неизбежности грядущего поражения, четкое понимание всех своих просчетов и нестерпимое чувство вины за них... этого и достаточно.

В лютый мороз император провожал полки, уходящие на фронт, отдавая им честь и стоя на трибуне в форменной шинели. Надеть тулуп счел неуважением к военным, идущим на смерть. Заболел... и только слегка оклемавшись, опять повторил то же самое – провожал войска на войну, оказывая им тем самым глубочайшее уважение, но... явно же рискуя здоровьем уже сознательно.

Существует версия о его самоубийстве, как стыдливом уходе от ответственности за политические ошибки. Я так не думаю... не согласна. Но чувство вины штука страшная, немилосердная и неутолимая. Не специально и не сознательно – я уверена, но по факту... не пережил, не смог.

Что чувствовал он, глядя на проходящие мимо полки? Глядя в глаза своим людям, идущим на смерть?

Я не хотела этого знать, никогда не хотела бы прочувствовать даже что-то похожее. Но уже взвалила на себя похожую ответственность и вот... сейчас уже чувствовала почти то же самое.

С чего-то вдруг вылез страх за успешность будущих родов... в связи с отказом Земмельвейса скорее всего. А еще понимание ответственности за свою миссию, плачущая погода и одиночество... туманность благополучной перспективы? И призраки из моего сна отдельным укором – боевое российское офицерство в лучшем проявлении этого понятия.

Корнилов еще с этой его саблей...

Троюродный брат Лермонтова, по легенде он будто бы нечаянно принял на себя проклятие принадлежавшей тому сабли, оставив ее у себя. Легенды легендами... но в момент смерти и тот, и другой были при ней, зачем-то нацепив на себя на время пистолетной дуэли и окопной перестрелки в случае Корнилова. Но я же в принципе верила, что мистика существует, так почему не в конкретных вещах?

И что, если не просто тяжелый сон ни с того, ни с сего, а души пока еще живущих или тех – давно погибших, дают так знать о себе, подталкивают к определенному решению, а может и умоляют о нем?

Я верила в мистику.

Н-ну-у... а если плюсовать все это и подвести итоги, то мне требовалось... нет - рисовалась необходимость разделить с кем-то ответственность, улучшив заодно шансы и перспективы своей миссии.

Тяжело вздохнув, я прислушалась к шевелению в животе... кстати, и это тоже. Хотелось бы мира и счастья своему ребенку, а не войн и революций.

Еще какое-то время я решалась... спустилась вниз поесть. Как и всегда, Даша не особо прислушивалась к моим пожеланиям и делала все так, как считала нужным. А нужным оказалось вовремя меня покормить.

- Что вы будто сонная муха, барышня? Поели?.. Тогда пойдите уж да прилягте, - отпустила она меня.

Ага... я решила не тянуть с решением, а значит - письмом. Все равно уже ни уснуть, ни успокоиться не получится – мозг кипел, подбирая подходящие слова и выражения.

Привычно полюбовавшись письменным набором из оникса, я решительно окунула перо в чернила...

«Здравствуйте, уважаемая Мария Михайловна!

Близится время моих родов, и пускай это случится не так скоро, но и три месяца много, учитывая расстояния.

Так случилось, что я и сама не понимаю толком причин своего безграничного доверия к Вам, но... Вы единственный человек, которому я могу довериться в том, что является чрезвычайно важным. Для будущего Вашего мужа в том числе. По косвенным признакам, слухам и следуя своим наблюдениям, я предполагаю огромное Ваше участие в нем.

К делу – зима не самое лучшее время для путешествий, а Вы не девочка уже... и все тяготы поездки из Санкт-Петербурга до Штутгарта я испытала на себе.

И тем не менее, я прошу Вас... требовать не смею, но готова и на это – будьте здесь как можно скорее. Оно стоит того, поверьте мне, Мария Михайловна. Признаюсь – боюсь родов и случись что со мной, произойдет страшное. Что именно – обещаю доверить Вам при встрече. Только Вам. Не Ольге Николаевне, не Анне Алексеевне, не мужу и даже не Константину Николаевичу – только Вам, дорогая Мария Михайловна. Только с Вами я могу разделить эту тяжелую ношу и уже неважно – согласны ли Вы делить ее со мной. Обязаны, наверное, как обязана нести ее я.

Ожидаю Вас с нетерпением. Вы еще достаточно молоды, чтобы чувствовать сейчас и острое любопытство, и сразу же недоумение и беспокойство. Прошу прощения за второе, замечу только, что мои знания будут Вам только во благо.

Прощаюсь за сим и с нетерпением ожидаю Вашего приезда.

С уважением.

Taiz Hohenlohe-Ingelfingen».

Не дав себе передумать, сразу же стала собираться во дворец. Письма для мадам Несельроде следовало пересылать через духовника Ольги Николаевны – Ивана Базарова.

Гнала сомнения, подъезжая к дворцу и проходя его переходами - вызывая для этого в голове образы и картинки – отстроенный Лазаревым Севастополь с широкими перспективами и домами в классическом греческом стиле... и он же – разрушенный до основания, до состояния руин и сухой пыли.

Карло Боссоли Вид Севастополя в 40-е годы:

*** Его руины:

Девочки, больше таких больших перерывов между выкладками надеюсь не будет. Приятного чтения дальше.

Глава 6

Наверное, я нарушала приличия, не останавливаясь для разговора и приветствия. Почти не замечая окружающей обстановки, спешно скользила в зев следующего зала и следующего... да я даже толком не видела лиц людей, встреченных по пути в церковный придел.

Что такое состояние ненормально и у меня проблемы, я очень даже понимала. Но с тем, что гнало и толкало меня вперед, невозможно было бороться. И лучше бы сделать, как велит эта внутренняя суть, а уже потом... по прошлому опыту я знала, что стоит сделать что-то в нужном направлении и всегда легчает, отпускает на время. Успокаивается совесть, уходит внутреннее напряжение и вот я уже способна видеть окружающий мир в подробностях и жить своей жизнью, а не только миссией.

Ненадолго правда.

Дальше внутреннее напряжение опять постепенно нарастало, вызывая несокрушимую потребность действовать, спешить с этим, ускоряться и ускорять.

Но так, как сейчас, точно еще не было. Кроме всего, появился страх не выжить в родах, кипели обида и злость на себя, неудовлетворенность тем, как мало я сделала за эти полгода. Целых полгода блин – из семи несчастных лет! Признав, что не справляюсь и уже терплю поражение, сейчас я будто падала в бездну. И что там дальше, как там дальше?.. Но что я знала точно – отдам наконец письмо и ненадолго полегчает, отпустит. Потом уже способна буду думать конструктивно, надеюсь, что уже смогу...

Пару раз ударив костяшками пальцев в высокую дверь, ответа я не услышала. Но «церковь» Малого двора всегда была открыта для посещений. Значит и Иван Иванович где-то рядом. Вынув из кармана письмо, я присела на оттоманку, пытаясь отдышаться. Это требовалось – сердце молотило, дыхание никак не успокаивалось, в висках больно бухало...

В православных храмах этого времени не было стульев, как в наше время – поблажек не делали ни для кого. Но Базаров похоже был более прогрессивен в этом плане... Ольга рассказывала - по окончании Петербургской духовной академии он защитил диссертацию по теме «О Церкви Англиканской, сходстве ее с Православной и различиях от нее», служил потом в русской церкви во Франкфурте-на-Майне, а дальше в Висбадене был духовником при Великой княгине Елизавете Михайловне, скончавшейся вскоре при родах...

Плечи сами дернулись, будто в ознобе – вот и еще одно к не таким и глупым моим страхам.

В общем... может, от сравнения с порядком службы в лютеранских и католических церквях и пришло легкое послабление для здешних прихожан, за которое я сейчас была только благодарна.

Не знаю, сколько ждала, но часы где-то за тонкой стеной, зашипев вначале, мягко пробили один раз – половина... Половина двенадцатого дня. Я все ждала, и чуть отпустившее было напряжение стало нарастать, я опять нервничала – точно нет ничего хуже, чем ждать и догонять.

Но наконец раздались шаги, и я всем телом развернулась ко входу, благо он был рядом. Да... это он - вошел Иван Иванович Базаров, отец Иоанн.

Хотелось верить, что все-таки - улыбнувшись, а не оскалившись, я резво вскочила, открывая рот и протягивая письмо... А дальше поняла, что чувствовать что-либо перестаяю и падаю.

Совсем сознания я не теряла и даже на пол не брякнулась – мужчина успел подхватить и опустить мою тушку, уложив на мягкую кушетку. Но перед глазами было темно, а руки-ноги казались сделанными из ваты. Священник что-то говорил и, хотя суть его речей пока еще не доходила до мозга, но я хотя бы уже слышала звуки.

Мягкий голос успокаивал своей уверенностью, а еще я потихоньку начинала чувствовать свое тело и то, как мужская ладонь касается моей макушки. Не гладит, но дарит ощущение сочувственного присутствия. Так жалела меня в детстве мама.

Живо вспомнилось тепло ее руки, и сейчас я всем своим существом впитывала похожее же ненавязчивое утешение. И в это самое время где-то внутри тех самых застенных часов опять что-то тихо зашипело, заворчало... и невнятные звуки превратились во вполне себе приятное для слуха слегка глуховатое размеренное «бом-бом-бом...»

Перед моим все еще мутным взглядом мерно раскачивался большой нагрудный серебряный крест, отражая оконный свет и бросая блики. И в какой-то момент эти качания будто синхронизировались с боем часов, а он все продолжался... И ровный спокойный голос, и слова, которые я уже различала:

- Все хорошо, все хорошо... Что с вами такое случилось? Рассказывайте, Таисия Алексеевна... рассказывайте, голубушка...

И я рассказала.

Мне было... спокойно. И рассказывала я грамотно – все по очереди, ничего не опуская, кроме подробностей личной жизни. Это казалось неважным, не об этом последнее время болела моя голова, и не с этим я спешила сюда с письмом.

Сказать, что вполне осознавала себя и была адекватна, не могу. Озвучивая факты, я передавала их через призму последних эмоций – страха, что не справлюсь, чувства вины и безысходности. Но и чувства свои я транслировала исключительно словами – помню, что голос мой оставался ровным и тихим.

Гипноз? Нервный срыв? Предел наступил? Без понятия, но сопротивляться этому я не могла. Таким же тихим голосом священник задавал наводящие вопросы, а я подробно отвечала на них. Весь наш разговор не запомнился, только его суть и тон – спокойный, не повышая голоса и в одной интонации.

Скорее всего, все-таки гипноз. И, скорее всего, он оказался случайностью. Так совпало. Или неслучайно совпало – я уже задолбалась копать в причинах того, что со мной случилось!

Потом отец Иоанн надолго замолчал, и я уснула.

Крепко уснула, потому что проснулась в своих фрейлинских покоях. Вспомнила я все довольно быстро, и сама себе удивилась – ни потрясения, ни угрызений совести, ни страха из-за того, что так бездарно раскололась, не было.

Так что похоже – все-таки предел... И моей психике было уже глубоко по фиг, перед кем расслабиться и излиться – уже почти физиология, все случилось очень естественно и предсказуемо. Требовалось разделить с кем-то ответственность за будущее, и я это сделала. И хоть ты тресни теперь, но уже без вариантов. Разница только в том, что сейчас я не перед Марией Михайловной психологически и духовно излилась, а перед Русской православной церковью.

В первом варианте при крайне неблагоприятном исходе я могла попасть и в дурку, а сейчас, чего доброго, нарвусь на экзорцизм, что в связи с беременностью нежелательно, - враз всполошившись, я обхватила живот руками и прислушалась... Чуть нажала и в руку мне тихонько толкнулось. Ты ж моя рыба!

Так – экзорцизм... Как подобное происходит? Явно же не особо бережно по отношению к подозреваемому в одержимости бесами. В любом случае, это унижение и потрясение, и даже насилие над человеком, судя по интернетовским видосам. Пускай даже там не совсем правда – сектанты работают или самопровозглашенные «боги». Православные священники вряд ли дали бы согласие на съемки, но тем не менее, если даже вполтину правда – ну ее такую!

Постель была чистой и удобной, свет в окна падал будто слегка приглушенный – то ли дело уже шло к вечеру, то ли опять к дождю. Хотелось пить. Возле кровати я заметила кувшин с каким-то фруктовым напитком и красивый хрустальный фужер рядом. Будь там стакан и я рискнула бы...

Дверь тихо приоткрылась – кто-то заглянул ко мне.

- Уже не сплю, - получилось хрипло, и я прокашлялась, - входите, кто там? Полинка, ты? – выдохнула с облегчением.

- На минуточку только и отлучилась, Таисия Алексеевна, - скользнула в комнату горничная Ольги, - пить вам подать, не желаете?

- Очень даже желаю, подай пожалуйста.

Выпив, а скорее жадно выхлебав стакан кисленького морса, я опять опустилась на подушки. Вставать еще рано, нужно бы отлежаться и хорошенько подумать. Но где там?!

- Отец Иоанн просил известить его, как проснетесь, я отойду скажу ему? – взглянула с вопросом девушка. Высокая, крепенькая, но вся какая-то светленькая, что ли? Волосами, лицом, одеждой и улыбкой тоже.

- Позови конечно и спасибо тебе... за ту услугу – должна буду, - не смогла я промолчать.

- Благодарствую, но мне совсем нетрудно было, - тихо прикрыла она за собой дверь.

Все равно отблагодарю – решила я про себя, переносясь воспоминаниями к приятному. Бояться не хотелось. Базаров казался хорошим человеком. Слишком молодой, как на мой взгляд, для духовника – лет 27-28 всего? Человеку в возрасте исповедоваться в своих проколах и жизненных промахах легче. А здесь... стыдно, что ли? Я не рассказала ему о нас с Костей, только покаялась, что ребенок мой зачат до брака – без подробностей. Получила классическое наставление, назначены были молитвы к прочтению – те же, что и в петергофском соборе перед свадьбой с Фредериком – «в блудной брани...» что-то там. Я греха за собой не чуяла, потому и отнеслась к этому делу с прохладцей. Нет, что-то читала, но без души, протокольно.

Базаров пришел быстро. И уже не в церковном облачении, а в темной паре. Рубашка и шейный бант тоже были темными. Почти черные волосы зачесаны назад, открывая высокий лоб. Длинные, они почти доставали плеч, во время службы хозяин убирал их в хвостик, повязывая ленточкой.

Узкое, гладко бритое лицо, большие глаза, рельефные губы – не узкие, а рисунком. Будь он женщиной, и был бы довольно красивым, а вот мужчину хотелось бы видеть более брутальным что ли. Может с возрастом... при усах и бороде ситуация точно выправится.

- Вы достаточно отдохнули для непростого разговора, Таисия Алексеевна? Простите, что не дал вам совсем оправиться от недомогания – вы еще в постели, но должность дает мне право...

- Спрашивайте, отец Иоанн... и присаживайтесь в кресла. Благодарна вам за этот визит. Раньше все прояснить и в моих интересах тоже, - поправила я у шеи одеяло.

- Вы сами пожелали высказаться, Таисия Алексеевна, - заметил мужчина.

- Не совсем так... рассказать все это я хотела мадам Нессельроде, написала ей об этом, но вдруг почувствовала необъяснимое доверие к вам... вашей должности и желание снять груз ответственности с души. Переложив его на вас соответственно - простите за это.

- То есть, вы не отрицаете всего сказанного.

- Под внушением или гипнозом, Иван Иванович – разрешите так обращаться к вам? Вы же знаете о своих способностях к нему, должны знать.

- Никогда не считал свое отношение к прихожанам – глубокое, пронизательное... когда хорошо понимаешь и видишь другого человека и с любовью готов относиться к нему с самых первых мгновений, с первых встреч... Я считал такую способность Господним благословением, но никак не гипнозом. Не думаю, что ему есть место – все-таки это принуждение, а я предпочитаю относиться к людям по-человечески, по-божески, то есть очень лично и свободно.

- И что - вы поверили моему рассказу? Не считаете, что я вру или одержима бесами, как принято в подобных... странных, не вписывающихся в картину мира, случаях? – сомневалась я в существовании подобной лояльности и сильно сомневалась.

Как-то не пришлось раньше встречаться с таким отношением - от сердца, если он действительно правдив. В наше время церковь больше напоминает бизнес-проект, что, конечно, не отнимает у нее функции посредника между человеком верующим и Богом. И наверняка есть где-то в глубинке священники с таким вот бесконечно терпимым отношением к людям грешным и не всегда умным. И оскомину им не набили перечисления одних и тех же грехов раз за разом. А как по мне - смысл каяться, если меняться ты не собираешься, и делаешь это для галочки? А в большинстве случаев так и происходит.

Я могла быть неправа, но трудно верить в подобную любовь к людям. Еще труднее, чем в нестяжательство... то есть – преобладание духовно-нравственных мотивов над материальными интересами.

- Вы опасаетесь, что к вам применят чин экзорцизма? Этого страшитесь? – мягко интересовался священник.

- Чего доброго... в моем положении это станет катастрофой, вы должны понимать.

- Я не допущу в отношении вас подобного, Таисия Алексеевна. Бесогонство вам без надобности, оно имеет пафос освобождения человека от нежелательных зависимостей, от страстей вроде жадности, вождения, злобы и многих других. Люди должны очистить свое сердце, свою совесть, а вы и так уже сделали это и более того – всеми силами, не жалея себя, стремитесь помочь.

- Это вы так считаете - по доброте душевной. Но сам обряд... чин то есть, это же не просто молитвы? - хотела я полной определенности и даже гарантий.

- Не молитвы – они к Богу, а чин экзорцизма предполагает обращение к бесам, запрещая им действовать в отношении конкретного человека. Даже в обряде крещения есть подобная часть – когда священник озвучивает подобный запрет для дьявола в отношении крещаемого. Экзорцизма бояться не следует, но повторюсь – к нему нет причин и предпосылок. Не только я так считаю – так же сочтут и верховные чины.

- То есть, вы теперь передадите наш разговор... выше? – доходило до меня с опозданием, - а вот это и правда станет катастрофой, отец Иоанн. Кто-то испугается (если вообще поверит), а кто-то захочет выслужиться и доложит батюшке-царю и тогда меня точно закроют... в положенном месте. Лучше бы уж Мария Михайловна.

- Я уничтожил ваше письмо, Таисия Алексеевна, - будто сожалея об этом, развел руками мужчина: - Далее у вас будет возможность повторить сию попытку, но также и время будет, чтобы хорошенько подумать еще раз. Дамы, особенно при власти и в возрасте, существа суетные и часто излишне нервические. Почему вы решили, что мадам Нессельроде сразу поверит вам и встанет на вашу сторону, держа все в кремлевской тайне? Отнюдь. У нее нет секретов от мужа, а дальше вы сами понимаете... Будет много шума и суеты, к вам обязательно примут меры. Не хочу пугать вас, наоборот – успокаиваю, надеюсь. Вы избежали огромной ошибки, и я вижу в этом Господний промысел. Гипноз говорите? Во мне нет способностей к нему, дорогая Таисия Алексеевна, и никогда не было, так откуда бы им взяться сейчас? И в такие вот странные совпадения с грандиозными последствиями, я также не верю. Все случилось так, как должно быть. И в свое время.

- Может быть, - кипела каша у меня в голове, - но и церковь тоже – с чего бы ей-то ввязываться?

- Вы кратко, но упомянули о гонениях на нее в будущем, о притеснении веры – это так, вы подтверждаете это?

- Господи! Иван Иванович, это будет только лет через... семьдесят. Но да – такое было. Церкви рушили, иконы и церковные книги жгли, ценности разграбили, священников убивали или ссылали в лагеря... «Весь мир насилия мы разрушим до основания, а затем мы наш, мы новый мир построим...» Разрушили и построили. Неплохо и построили, кстати, в итоге... заплатив за это многими и многими миллионами жизней. Но улучшаться Союзу не дали –

мешал Европе и Америке, не делился благами, а их у нас достаточно – алмазы в Якутии и Архангельской губернии... золото в Сибири и на Дальнем Востоке. На Аляске, кстати, прорва золота... река есть такая – Клондайк, а в нее впадает ручей Бонанза-Крик или как-то иначе сейчас... Потому что все там скоро изменится, и золото откроют уже при американцах. Мы ведь продадим Аляску и за смешные деньги, – горько усмехнулась я, вспомнив деятельное участие в этом Константина Николаевича: – Но если бы только золото – еще черноземы южных губерний, пресная вода, нефть, газ, различные металлы...

– Пойдите, Таисия Алексеевна, пойдите... – сильно потер ладонями лицо священник, – вначале вот что: нет сроков для службы Господу нашему и державе. А про золото знать я не хочу – не ко мне это.

– А к кому тогда, простите?! – прошипела я, – церковь не имеет того влияния на политические процессы, происходящие в России, что мадам Нессельроде. Так уж сложилось, простите за правду. И не дай Бог, чтобы имела. Не просто так ведь бедный люд громил во время революции не только помещичьи поместья, но и монастыри? Отчего же к вам не про золото?... – перевела я дыхание и с новыми силами набросилась на несчастного Базарова: – Где сейчас те «нестыжатели», которые предлагали «чтобы у монастырей сёл не было, а жили бы чернецы по пустыням и кормили себя рукоделием»? Немного оказалось сторонников подобного образа жизни? Уже в 17 веке крестьяне восставали и убивали монахов, страшась порабощения. Но не преуспели в своем протесте и дальше были барщина и дани монастырские, когда с них «имали насильством дань и оброк втрое против царского». А в прошлом веке церковь и вовсе перегнула палку с поборами и изуверскими наказаниями настолько, что матушка Екатерина провела секуляризацию всех церковных владений в пользу казны. Крестьяне легко выдохнули, а Церковь превратилась в полностью зависимый от государства институт. И когда в 20 веке власти стали закрывать церкви, народ не вступился за них. Так что – мадам Нессельроде, Иван Иванович. Простите за горячность, но... – развела я руками.

С вызовом взглянула мужчине в глаза и сразу как-то... почему-то стало вдруг стыдно. Базаров слушал меня со всем вниманием и терпением, безо всякого возмущения и даже недовольства.

– Душа болит, Таисия Алексеевна, кипит там все? – поинтересовался с сочувствием, – понимаю вас. Придержите пока эти знания – о богатствах и прочем. Давайте по порядку: церковь действительно не имеет права голоса в решении государственных дел. Но имеет влияние на каждого государственного деятеля. Институт духовников никто не отменял и степень духовной близости между человеком верующим и тем, кто наставляет его в этой вере, часто огромна. Грех пользоваться этим в целях какой-либо, а особенно личной корысти, грех великий. Но за ради спасения державы нашей, душ многих заблудших и жизней человеческих... отчего же – нет, Таисия Алексеевна? Я не стану спешить с докладом о вас. А вы обещайте не спешить писать Нессельроде. Здесь нужно думать... подумать следует, – опять мучительно поморщившись, потер он лицо ладонями. Объяснил, будто оправдываясь:

– Голова разболелась некстати. Совершенно же некстати, Таисия Алексеевна. А как вы себя чувствуете, голубушка?

– Да... нормально уже. Спасибо за участие и простите еще раз за горячность, – захотелось мне влезть под одеяло с головой.

– Как здесь без нее? Не обойтись похоже... но вы отдыхайте, отдыхайте. Как почувствуете в себе силы говорить со мной, приходите. К тому времени и я отойду, надеюсь... оклемаюсь.

– И разуверитесь в моих словах, найдете причины для себя не верить мне, как и нестыковки в моем рассказе – к некоторым событиям сейчас нет даже предпосылок. Они кажутся совершенно невозможными на данный момент истории.

– Невозможной кажется в первую очередь вы и это лучшее доказательство вашей правды. Подобному нет иных объяснений. Но полностью я вам не верю – каюсь, хотя и обвинить вас

в обмане не возьмусь. Слишком странно это все, слишком уж необычно. И я мало знаю вас, слишком мало, чтобы вот так, сходу... Буду молиться! – встал он с кресла и слегка поклонился, совсем по-светски: - Позвольте откланяться.

- Иван Иванович! – окликнула я его уже у двери, - а вы? Ваше влияние распространяется на кого? Ольга Николаевна не будет иметь возможности принимать политические решения даже став королевой.

- А жаль, - признал тот, и я с ним согласилась – жаль.

- Не скажу, что имею такое уж влияние... но состою в добрых отношениях и постоянной переписке со светлейшим князем Горчаковым, к примеру. Александром Михайловичем, если вы слышаны о таковом.

- Ну как же... будущий министр иностранных дел при Александре II... последний канцлер Российской империи, - вспоминала я, - достойное знакомство на будущее.

- Так может давайте стараться строить его вместе, Таисия Алексеевна? Будущее. Чтобы безо всего этого... тех миллионов, о которых вы сказали.

- Так вы правда - верите мне? – приподнялась я, придерживая одеяло у горла.

- Посмотрим... буду молиться. А сейчас попрошу, пожалуй, у жены чарку водки, - тихо прикрыл он за собой дверь.

- А лучше две, а то и три... или бочку, - прошептала я уже себе.

Горчаков, Горчаков... канцлер и бывший дипломат. Получается, сейчас он в подчинении у Нессельроде. И что? А кто духовник у самого Нессельроде интересно? И это что тогда – я каждому должна буду... да нет – бред же!

Ла-адно, я тоже буду думать. И не стану больше спешить, тем более что той тянущей потребности, подгоняющей и упрекающей в бездействии, внутри себя я больше не чувствовала. Или это просто пока?

*** Базаров Иван Иванович:

Глава 7

Мою беременность смело можно было назвать «сонной». И сейчас тоже – поужинав тем, что принесла Полинка, я опять уснула. Выспалась замечательно, проснулась на рассвете. И день, будто по заказу, намечался отличный – опять забортное давление поднималось и похоже, что к новым заморозкам. А меня потянуло к окну – штор во дворце традиционно не было, а освещение показалось мне немного странным.

В результате простояла там больше получаса, наблюдая, как тонкая полоса неба над горами, окрашенная розовым, постепенно становится все шире и шире, постепенно светлея... или правильнее сказать – выше?

Встретив солнце, я умылась и сходила на горшок. И вспомнилось кстати - в Зимнем дворце Санкт-Петербурга на это время уже была проведена вполне себе удобная канализация. И печное отопление заменено новым, наподобие центрального. Но это новшество подкачало, не будучи хорошо продуманным, и совсем высушило воздух. В комнаты стали спешно тащить лоханки с водой, чтобы как-то устранить этот недостаток. Призвали специалистов и оказалось, что содержание влаги в воздухе недостаточно как для людей, так и для растений. Кроме того, через неплотности труб в подогретый воздух попадали дымовые газы, а вместе с приточным воздухом с улицы – пыль. Оседая на раскаленной поверхности металлических теплообменников, пыль эта сгорала и в виде копоти попадала в помещения. От этого страдали не только люди – продукты сгорания оседали на расписных потолочных плафонах, мраморных статуях, картинах... А еще колебания температуры во время и в промежутке между топками: когда печи котельной топились, в помещениях было слишком жарко, а когда их переставали топить, воздух быстро остывал...

Экскурсанты часто задавали вопросы об освещении, отоплении, канализации... А вот чего я не помнила, так это когда все-таки усовершенствуют самую первую в России систему центрального отопления? Когда додумаются пустить по трубам горячую воду, а не раскаленный воздух? Скорее всего, гораздо позже. Это я «поспешайка» - хочу все и сразу, а на деле любое новшество проходило определенные испытательные этапы, совершенствовалось и улучшалось вместе с возросшими техническими возможностями.

В Новом замке Штутгарта отопления, кроме каминного, не было и скоро я замерзла. Но в постель возвращаться не стала, наоборот - прикрыла ее и стала быстро одеваться. Радостно встретила завтрак, нанесла короткий благодарственный визит Ольге. А дальше все завертелось – Рождественский бал же, и к нему нужно готовиться. Минимум - подготовить наряд и подобрать вместе с Фредериком украшения, а значит посетить банк.

Я редко видела мужа последние дни – к празднику в Штутгарт прибывали делегации больших и малых государств. Встретить их на уровне и устроить, организовать предварительные встречи с Величеством, если требовалось, было обязанностью дипломатической службы.

А я тут сделала кое-какие выводы... хотя в последнем своем угаре и не придавала им должного значения. Сейчас же, рассматривая и примеряя платья в спокойной обстановке и со спокойной душой, что важно... я и соединила вместе две новости. Одну, позаимствованную из местных газет - как приличный шпион, я уже какое-то время изучала их. Вторую мимоходом сообщил муж – в Штутгарт ожидалась делегация всех малых образований, которые в будущем составят Германию. Ну, кроме Пруссии. Хотя оттуда тоже кто-то будет, но не первые лица. Похоже здесь намечалось что-то вроде общего собрания или схода. Вильгельм давно уже пытался сплотить вокруг себя малые герцогства и прочие княжества, чтобы создать коалицию неприсоединения, хотел и в будущем независимости для своего королевства.

Новость же из газет гласила, что примеру Вюртемберга с прекращением производства шнапса из картошки и экспорта продуктов питания за границу последовали почти все малые германские государства. Скорее всего, не просто так – была переписка, советы Вильгельма? Прислушались и сделали? А Пруссия не стала.

Понятно – результат покажет себя только весной и в сравнении, но Величество похоже в нем не сомневался и уже ковал железо...

Но он сколько выковал его в свое время! И проиграл в итоге. Хорошо не успел этого узнать, Карл оказался слабее папы. А может король давно уже это понял, отсюда и такое отношение к сыну. – приходила я к этому в который раз. Потому что сильному и перспективному наследнику в интересах дела можно простить даже нестандартную ориентацию – были такие в истории и даже как-то отпрысков плодили. Карл получился красивым, умным, хорошо образованным и обходительным, но... Может тут как раз папина недоработка.

Фредерик спешил, был занят, но сопроводить меня в банковское хранилище не отказался. Там со знанием дела разложил на столике все, что имеем... что нажито непосильным трудом. Мне и самой было любопытно, раньше не получилось рассмотреть все это так внимательно и подробно. Я и смотрела. И Фредерик смотрел... золотистое платье я ему показала, на что ориентироваться он уже представлял.

- А что выбрали бы вы, Таис? – повернулся он ко мне.

- А мне все здесь нравится, так что сама не рискну, – виновато пожала я плечами, с интересом наблюдая работу ума на его лице.

- Вот это, – наконец отложил муж темно-синий, почти черный футляр с авторским вензелем, – здесь бриллианты.

- Бриллианты, так бриллианты, – согласилась я, рассматривая тонкой работы кольцо и браслет, как и многие другие украшения этого времени выполненные в стиле ювелирной флористики. И то и другое шедевром ювелирного искусства не являлось, но выглядело очень даже приятно. Камешки мелковаты, но сверкать при хорошем освещении должны ого-го как.

- А серьги?

- Накануне пришлю к вам мастерицу – пусть в этот раз прическа прикроет уши. Поспешим, Таис, я не смею опаздывать, – пристально рассматривал он мое лицо.

- Что такое? – поправила я волосы, – что-то не так?

- Давно не видел вас.

- Четыре дня? – подсчитала я, – вы идите, если такая спешка, а я уже сама обратно...

- С этим вот на руках? – удивленно остановился муж, – мы не станем рисковать вами.

Прошу вас...

К ювелирной паре прилагалась крохотная открытка, прикрепленная к футляру лентой того же цвета – «С пожеланиями супружеского счастья и плодовитости. Чета Нессельроде». Совпадение?

Отпустив мужа, с легким удивлением воспринявшего появление в доме Мурки, но промолчавшего на этот счет, я задумалась – а что было бы, отправь я то письмо?

Теперь приходило в голову только плохое. Человек я похож на внушаемый. Подверженный гипнозу точно.

А дальше мы с Дашей сели дошивать медицинский халат – подарок к Рождеству для профессора Вундерлиха. А сойдишь звезды иначе, сразу бы сшили такой же и для Земмельвейса. Но, будучи слегка в не адеквате, я его обидела, а может и оскорбила – приходилось признать это. Нервы, злость и страх сыграли злую шутку и на акушере можно ставить жирную точку. Жаль... но все-таки больше себя, чем его – шанс ему был.

- Печалуетесь, барышня? Опять заспешил хозяин... весь при государственных делах. Кисельку давайте что ли внесу, да Мурку подымите. Спокойно от котлов-то, душевно, – поднялась с места и вышла Даша.

Сейчас животное выглядела чуть лучше, пахла нормально и не шипела, когда я подняла ее на руки. В древнеегипетской мифологии кошка считалась священным животным, а все просто... абсолютно все имеет разумное объяснение: коты уничтожали грызунов, портящих урожай. И даже покровительницу плодородия и домашнего очага изображали там кошкой. Ну, или с кошачьей головой.

- Может нужно было назвать тебя Бастет? Нет... не тянешь ты на богиню, «дворянка», - гладила я мягкую шерстку, чесала между ушками... Рождественский подарок? Наверное, можно и так сказать, если зимние елочные праздники начались еще с Николая зимнего. И нет – не кошка на коленях придавала мне спокойствия. Просто я по-женски привычно, а может даже мудро спихнула если не всю свою проблему, то часть ее на мужчину.

И дело даже не в ответственности, которую он теперь должен чувствовать наравне со мной – думаю, здесь хватило бы одного любопытства. Я на его месте вообще спать бы перестала, а тогда по горячим следам постаралась бы выпросить обо всем на свете. Базаров же дал мне время, или может себе его дал – не каждый день такое...

В день, а вернее вечер бала, подъезжая к королевскому дворцу, я увидела, что обстановка здесь ничем не отличается от российской. Там, по рассказам современников, на городских балах так же толпились кареты, не в состоянии разъехаться или подъехать ко входу по нескольку сразу. Своей очереди высадиться из них, бывало, ожидали часами и хорошо, если карета оборудована печуркой по зимнему времени. А все потому, что выходить следовало на ковры, расстеленные на ступенях, чтобы не испачкать подошвы и подол платья – внутри простирались драгоценные паркетные или полированный мрамор.

И сейчас тоже к парадному входу выстроилась огромная очередь, особого порядка в ней при этом не наблюдалось. Общая толчея перед дворцом напоминала муравейник. Кони, кареты, люди на крыльце и почему-то толпа на площади и у стен под окнами. Зеваки? Я заметила мужчин в котелках – мода на них возвращалась. Ненадолго, но – да.

- Виноват... - скрипнул зубами Фредерик после получасового ожидания, - не учел количества приглашенных, к этому времени должно бы уже схлынуть. Но, если вы только позволите... как супруги, мы ничего не нарушим.

- Все, что угодно! - радостно откликнулась я – ноги начали подмерзать. Сказала так и сама удивилась степени доверия этому человеку – безусловного, безоговорочного.

Выйдя из кареты и коротко велел кучеру: - Чтобы ни шагу сейчас, - он подождал, когда я опущу ногу на ступеньку и принял меня на руки, подхватив под спину и колени. Я хрюкнула, наверное, от неожиданности – какой-то странный звук точно издала и сразу хихикнула, обхватив шею мужчины, чтобы хоть как-то уменьшить для него свой вес.

- Ну, тогда поехали... а это точно в рамках приличий?

- Будто бы, - удобнее перехватив меня, он пошел по большому кругу, не рискуя передвигаться между каретами и обходя толпу у стен. Кажется, впереди расступались, пропуская и как-то нас комментируя – точно зеваки.

- Далековато будет, - засомневалась я, здраво оценив расстояние.

- Зато вы... мы не простынем и не заболеем, Таис. Я оставлю вас на ступенях, войдете внутрь и ждите меня с левой стороны у входа. Я же обойду... приведу в порядок обувь. Это не будет долго.

- Не спешите так... вам тяжело? – забеспокоилась я, когда большую половину пути мы уже прошли.

- Вы совсем легкая. И потом... не первый же раз. Подобное уже... было, и я легко справился, - тяжело дышал он мне в висок.

И я замолчала от греха – ежу понятно, что тяжело, да еще и то ранение. И вспомнилось сразу... так, будто только вчера все и случилось - холодный ветер с Маркизовой лужи, балюстрада у Монплезира и наш непростой разговор. Тот день... я старалась найти хоть какой-то

выход. Чувство было - вишу на краю крыши или пропасти, цепляясь изо всех сил за что только можно. Нарастающее чувство катастрофы, почти отчаяние уже и робкое неверие потом – да ладно... правда согласился? И громадное облегчение, и тихая радость понимания – у меня получилось! Я сделала это блин, справилась!

- Как хорошо, что тогда это были вы, Фредерик! – вырвалось от души, - мне просто сказочно повезло с вами.

И только поставив меня на ступени под взглядами гостей, он вымученно улыбнулся... а скорее устало, наверное, и ответил:

- Я тоже рад этому, Таис. Ждите меня вон там. Недолго.

Получилось и правда недолго.

А потом был Белый зал и большая нарядная елка, совсем прикрывшая собой пустующий без огня камин. Огромные окна, кажущиеся таинственными провалами в ночь и такой же формы стеклянные двери в соседний зал – продолжение бального; двойные колонны между ними, поддерживающие балкон. Светлый отблеск мраморного пола и группы из люстр, низко свисающие с высоченного потолка безо всякой росписи - только безупречная белизна лепнины и скульптурных групп. А еще буйство красок и фасонов женских нарядов, темные и светлые мужские пары, кипень крахмальных рубашек и атласный блеск шейных лент, строгая красота военных мундиров и идеально чистая обувь...

Понятно, что в конце мероприятия, как и тогда в Петергофе, парадный вид гостей слегка потускнеет, но это закономерность, пока же я любовалась убранством зала. Все оттоманки и пуфы у стен были, конечно же, заняты. Но мне пока и не требовалось – атмосфера праздника нечаянно захватила и несла, несла. Тихий шум чинных разговоров, плавное движение толпы, отдаленные звуки музыки... Хотелось обойти все тут, заглянуть во все уголки, рассмотреть подробно и внимательно.

Рукой в перчатке я опиралась на локоть Фредерика, митенки не брала - мы решили не оставаться на поздний ужин. Да и смысл целый вечер толкаться в толпе, раз танцевать я не буду, а это главное развлечение бала, кроме разве азартных игр.

Сейчас же все ожидали появления короля и королевы, ну и наследника с женой.

Я не собиралась надевать шифр. В приглашении указывалось непосредственно время начала бала, а значит мое присутствие при подготовке к выходу, как и в свите соответственно, не требовалось. Но Фредерик объяснил, что если, не требуя исполнения фрейлинских обязанностей, принцесса все же оставила мне шифр, то этим оставила и привилегии соответственно моей должности.

Пока что я использовала совсем маленькую – возможность стоять в первом ряду, когда толпа мягко отхлынула к стенам, давая проход королю со свитой. Я вежливо присела, как и все дамы, но глаз не опустила, с интересом рассматривая наряды, прически и выражение лиц верхушки государства. Вильгельм был в парадном мундире и этим все сказано... только слегка мазнув по мне взглядом, задержал его на стоящем позади меня Фредерике, вернулся опять ко мне и приподнял бровь. Не узнал в новой прическе?

Легко, почти незаметно взмахнув рукой в сторону сопровождения, король прошел дальше, а я услышала взволнованный голос мужа:

- Мы приглашены в свиту, Таис, пожалуйста вашу руку.

- Серьезно? – восторгалась я, - я так рада за вас... значит мы с вами прощены? Временно или уже навсегда?

- Не стоит сейчас об этом.

Мы аккуратно пристроились в самый хвост и медленно пошли следом, расположившись потом сбоку от монаршей четы – женщины слева, мужчины справа и по старшинству, как шли. Король что-то говорил, приветствуя собравшихся, потом объявили первый танец и собственно – бал...

Наверное, то, что я не танцевала, а со мной и муж, дало ему дополнительную возможность общения с нужными людьми, причем будучи уже не в опале, а в фаворе. И он общался... легко и приятно, почти ни о чем, как и принято на балах – дань вежливости и правилам. Представлял меня, и я улыбалась, тоже что-то говорила. До меня медленно, но хоть так... доходило, что на этом мероприятии и рядом с мужем я не просто развлекаюсь, но и представляю ему. Поэтому такое значение уделяется женскому наряду, причёске и драгоценностям – как минимум, дама должна соответствовать.

Кроме немецкого, случился разговор на французском – высокий мужчина с орлиным носом оказался послом Франции. Я просто отдала дань вежливости, и вроде ничего этим не нарушила, судя по выражению лица мужа.

Он многих знал здесь – гражданских и военных, и сейчас, собственно, как раз и происходило то самое, ради чего он вступил со мной в договорной брак. Всем своим видом и уже заметным положением в том числе, я лечила сейчас его репутацию. Радостно это делала и с огромным удовольствием. Особенно когда дошло до ума.

Он не отпускал меня от себя дальше, чем на шаг, хотя затоптать меня точно не могли – несмотря на большое количество гостей, мне даже на трен ни разу не наступили, пускай и самый короткий. Вежливость поведения, манеры и приличия соблюдались неукоснительно. Может потом – ближе к утру, когда подключатся горячительные напитки и народ подустанет, утратив бдительность?..

Муж то клал мою руку к себе на локоть, то чуть приобнимал за талию, направляя в толпе – забота или собственнические замашки? Может и второе, потому что графу Д*анкуру – тому французу, попросившему разрешения пригласить меня на танец, было отказано и не мной – просто не успела. Я вежливо улыбалась при этом, а муж смотрел на француза точно с видом собственника, что вызвало легкий поклон, понимающую улыбку мужчины и тихое, как выдох, «oh la la».

Впечатлений было море – новые знакомства в том числе. А еще же зрелищность – танцы, краски, музыка, улыбки на лицах...

- Чуть позже я возьму для вас учителя, Таис. Прекрасные танцы есть и кроме вашего любимого вальса, - обещал Фредерик.

- Тогда почему не танцуете вы – я же не против?

- Не любитель, танцевал только по необходимости. Разве когда-нибудь потом... с вами? – заглянув мне в глаза, тихо спросил он.

- Ну да... это обязательно, - внимательно присмотрелась к нему и я.

Не может же быть? Не может – выдохнула с облегчением. Тю ты... бред какой-то.

*** Бальный зал в Новом замке Штутгарта:

Глава 8

Зимний Штутгарт жил и дышал своей, особенной жизнью – речной сыростью, старинной историей, гомоном торгующихся людей на центральной площади, стуком колес экипажей и звонким цокотом копыт по брусчатке, посвистом ветра во флюгерах и конечно же вечерними туманами – куда без них? Чувство такое... стекают с окрестных гор, наполняя глубокую котловину, где прижился город – плывут через край, сочатся, капают...

Уже пару недель каждый день, позавтракав, я выходила из дома и ровно три часа посвящала прогулкам пешком. По людным улицам, с передышками, но я ходила, двигалась... Королевский бал как-то быстро ушел в прошлое, оставив приятное впечатление – я выполнила условия нашего с Фредериком договора. Отныне он принят в обществе, и больше того – желанный гость в любом доме. Рождественские празднества всё продолжались, как и мероприятия с ними связанные, но я в них больше не участвовала.

Но если бы можно ограничить свое присутствие тем, чтобы просто нажраться от пуза – то была бы только «за». В наше время немецкая кухня считалась не самой лучшей, а кто-то называл ее ужасной. Но и дома я всегда ела с удовольствием, а во дворце так просто наслаждалась.

- Не знаю, что за волшебник это сотворил и какие заклинания при этом применял, но получилось сказочно вкусно, - помнится, пришлось даже извиниться в какой-то из королевских ужинов. Чинно жевать листик салата или катать во рту горошину, когда стол ломится от изысканных вкусов, а у тебя беременный жор? Здесь я оказалась слаба.

Ну и странное это - «неприличный вид». После шести месяцев живот стал расти быстрее и уверенно торчал уже значительным бугорком, хотя сзади все еще просматривалась талия. Да и вся я стала похожа на человека, а не ходячий скелет. Переодеваясь вечером, даже любовалась собой и тихо мечтала, жалея, что Костя не видел меня такой – с грудью и без стиральной доски вместо ребер. И даже ноги мне сейчас нравились.

Так что, можно сказать, я устранилась на период праздничной суеты, не мешая мужу работать. Вспоминала шум бала и то, как неспешно вел он меня, сверкающую улыбкой и шифром, сквозь толпу, сквозь учтивые представления и пустые разговоры. Ничего нового или более интересного и сейчас не предвиделось, так что и не жаль. Фредерика я не видела уже больше недели, да и то – заскочил всего на минутку с праздничными подарками для меня и Даши. Извинился, торопился - работа... или его теперь на части рвали.

Порядки и условности маленького Вюртемберга ничем не отличались от законов «высшего» общества любого другого государства в самые разные времена – обласкан власть поддерживающими, значит принят им безусловно. А что того же человека перед этим тупо не замечали или даже травили – ерунда. Но Фредерик принимал правила такой игры, рад был участвовать в ней, а значит и Бог с ним, со всем этим – я только радовалась за него. И немного скучала – бывая у нас, он скрашивал мое одиночество интересными разговорами, давал ощущение надежной руки и человеческого тепла рядом, чувствовался свежим ветром из большого мира. А высший свет похоже чуял своим, был там, как рыба в воде.

Но и я нашла себе занятие - прогулки, приняв для себя то, что спасение утопающих дело рук самих утопающих – закон выживания. Что могло стать причиной угрозы при родах? Не считая, конечно, причин внутренних и непреодолимых? То, что я вполне могла преодолеть. А значит нужно правильно питаться, следя за весом и двигаться, поскольку гиподинамия птица та еще... Может как раз дефицит движения и то, что богатым беременным дамам только в попу не дули, и сказалось их неподготовленностью и общей слабостью, когда потребовались силы в потугах. А первые роды, бывало, длились и больше суток.

Опять же, я не просто ходила, считая шаги и отмеряя километры, я наблюдала.

Местный люд и архитектуру, новые городские виды, открывшиеся, когда опали листья и короткие уличные сценки. Слышала обрывки чужих разговоров, мысленно продолжая их и улыбаясь – иногда получалось забавно. Вдыхала запахи реки, мокрой листвы и старого кирпича, лошадей и духов – Европа в отличие от России смело пользовалась ими, как и столетия назад, когда прикрывала сильными ароматами запахи немытого тела и пота.

Разными путями я шла туда, где билось перезвоном старинных ратушных часов сердце города, где звучали крики зазывал у ресторанов и витали запахи вкусной еды... Шла, вежливо избегая новых знакомств и не реагируя на отдельные замечания в свой адрес. Не хамство. Может где-то на окраинах... но здесь, в центре города мне ничего не грозило – это главное, а на прочее можно было ответить скупой вежливой улыбкой.

А потом я возвращалась обратно. Уставшая и довольная. Проголодавшаяся и спокойная. Но не только прогулки – это состояние укрепилось после последнего предметного разговора с Базаровым. После очередной воскресной службы он попросил меня остаться для беседы.

Все-таки не зря преподают риторику и учат искусству убеждения в церковных семинариях. Если именно этого он хотел – чтобы я успокоилась и не отсвечивала, то у него получилось.

Задав несколько вопросов и получив подробные ответы, он замолчал, присев на оттоманку-близнец моей.

- Вы что-то уже надумали, отец Иоанн? – обратилась я соответственно его облачению на этот момент – богато расшитой рясе цвета топленого молока с тем самым огромным серебряным крестом на животе.

Мужчина отстраненно улыбнулся.

- Что я надумал, Таисия Алексеевна?.. Вы знаете немецкую поговорку – что знают двое, знает свинья? А нас уже двое.

- Так вы что – боитесь, испугались? – не поняла я и сразу опомнилась: - Простите ради Бога!

- Боюсь, а как иначе? – даже удивился он, – за вас же и испугался. И причина для этого есть и даже не одна. Вот к примеру – вы знаете, что в Германиях, как нигде более сильна склонность к мистицизму? Я имею в виду Европы. Иоганн Йозеф Гёррес... вы не слыхали, конечно же – крупнейшая на сей момент фигура в местном католичестве. А известность он приобрел посвященными мистике лекциями в Мюнхенском университете. И будто бы им предполагаются три группы мистики: божественная, естественная и дьявольская, – тяжело вздохнул священник.

- К единению и общению с Богом будто бы может привести мистика божественная. Естественная – к осознанию человеком тайн и скрытых сил материальной природы, дьявольская же устанавливает подчиненность влиянию бесов. Гёррес недостаточно критично подходит к отбору доказательного материала, однако же влияние имеет огромное. Он уже старик, но... влияние его учения боюсь останется сильным еще долгое время даже после его смерти. Вы понимаете, в чем дело? Мистика признана здесь официально, она существует в умах, а настроенная фанатически толпа – страшное дело, Таисия Алексеевна. Вы же слишком ценны, пожалуй.

- То есть, вы мне верите, – услышала я главное.

- Вы не поняли – вы ценны в том случае, если все сказанное вами правда. А верить вам на слово я могу, конечно. И скорее верю, чем нет, но только, как лицо частное. В том же качестве, в котором вы желаете меня видеть – как помощника для вас, соратника и даже соучастника... не имею на это права. Я много думал и решил, что никто не должен знать. Пока еще не должен... до тех пор, пока мы не найдем доказательства вашей правды. Но и тогда ваши знания продолжают оставаться чрезвычайно опасными, – чуть подался он ко мне, – вы осознаете эту опасность для себя лично? Когда вы превратитесь в несомненную ценность, но вместе с тем и страшную угрозу? Станете помехой чьим-то планам на будущее, чьей-то безопасности, влиянию, благосостоянию... В вас никогда не должны увидеть эту угрозу или же покровитель

ваш и защитник должен превзойти своим влиянием всё возможное. Но и при таком раскладе вы никогда больше не будете в безопасности, Таисия Алексеевна... к глубочайшему моему сожалению.

- Кто владеет информацией, тот владеет миром? - вспомнилось известное высказывание Ротшильда и по телу пробежали колкие мурашки – первый раз я видела ситуацию с этой стороны.

- Очень разумно сказано, верно сказано. Рад, что вы это понимаете, у вас ведь дитя, вы мать, - одобрительно кивнул священник.

- Я-то понимаю... но вряд ли мы найдем убедительные доказательства для Его императорского величества. Вы же его имеете в виду? Предъявлять нужно что-то материальное и значительное. Знание мною мелочей, которые случатся в ближайшем будущем, будет воспринято как угодно... но не доказательством событий почти невозможных и даже сверхъестественных, - разочарованно кивнула я, судорожно сжимая веер - до треска.

Растерянно посмотрела на него и отложила, чувствуя просто дикое разочарование, дикое! Будто бежала, бежала куда-то, а оказалась загнанной в глухой угол.

- Некоторые мысли все же есть... – медленно протянул Базаров, - не поймите меня превратно, но при наличии материального доказательства я, пожалуй, согласен рискнуть, став посредником. Николай Павлович чрезвычайно разумен, поэтому и недоверчив чрезвычайно... так что, Таисия Алексеевна? Вы сможете точно указать на карте местоположение залегания алмазов или же золотых россыпей?

- Точно и... на карте? – опешила я, - да как вам сказать... я ведь не занималась этим непосредственно? Это общие знания. Безусловно правдивые, но общие – отличного качества уголь в Донецком бассейне... вокруг Юзовки то есть. Но о нем еще с Петра знают. Так... что еще? Нефть в Средней Азии, алмазы Якутии, газ Уренгоя... да, Господи! Впрочем, - спохватилась я, - если хоть как-то конкретно, то я уже говорила – река Клондайк! Это слово станет потом синонимом сокровищницы или "жирного" места. А ручей Бонанза... Бонанза-Крик – там впервые и нашли золото. Штаты... Американские штаты подошли к этому делу очень разумно, но негуманно. Вместо державных экспедиций золото-разведчиками выступили энтузиасты, хлынувшие на Аляску со всех сторон света. Обогатились единицы, очень многие погибли и разорились, но и золота там нашли ой-йо-йой сколько. Частники собрали вершки, продав потом свои участки серьезным промышленникам - дальнейшая добыча требовала технического оснащения. Но это же Аляска, отец Иоанн – даже не Архангельская губерния, это же у черта... знает где! - устала я на него в отчаянии.

- И наш единственный шанс, так ведь? Если вы не вспомните еще о чем-то вещественном и более доступном.

- Знаете... - горько хмыкнула я, - иногда просто ждать, это крайне сложно, особенно когда хочется и нужно действовать: куда-то бежать, что-то делать, зубами грызть, рвать в клочья... Мало времени. Уговорить же послать экспедицию... а кого, кстати?

- Лично знаю лишь одного естествоиспытателя – профессора кафедры геологии и минералогии Московского университета Щуровского Георгия Ефимовича, - задумался священник, - знакомство мимоходом – шапочное, к сожалению. Однако же, его репутация, как огромного энтузиаста своего дела...

- И даже если он получит письмо - через месяц, не раньше, - перебила я, - даже если сразу поверит, что очень вряд ли... уговорит кого надо организовать экспедицию. Это займет время. Дорога туда тоже, как и поиск россыпей – ручей могли назвать и после, а Клондайк большая река, хотя... там почти все притоки золотоносные. Но потом же всё в обратном порядке - лет на десять и выйдем в итоге.

- Но вы говорили – Аляску продадут, а этим мы возможно... предположительно исключим сей процесс. Когда кстати это должно произойти? И зачем? – блестели глаза мужчины далеко не любопытством. Скорее, там плескалось беспокойство.

Я нервно сдула со лба выбившуюся из прически прядку.

- Не в Аляске ведь дело - она в будущем, да и... даже в мое время так и не пришли к единому мнению – правильно сделали, что продали ее или нет. По документам она будет не «продана», а «уступлена» в 1867 году. Для России содержание Аляски на тот момент было убыточным, нашего населения там почти не было, а отправлять поселенцев в такую даль... до Приамурья вон потом шли почти год - с семьями, детьми, скарбом, - вспоминала я резоны, приводимые Константином Николаевичем в письме к канцлеру Горчакову.

- К тому же Россия, во многом благодаря которой и состоялись Соединенные Штаты... Согласитесь – без активной роли нашей страны независимость, конечно, была бы провозглашена, но это вскоре вспоминали бы, как временный казус...

Я нервничала - Аляска была вообще не в тему, только если о золоте...

- То есть... Россия опять поставила на усиление позиций янки в Северной Америке и вытеснение оттуда британского присутствия. Британская Канада оказалась между двумя территориями, принадлежащими американцам. И вот опять конфликт наших и британских интересов - укрепление наших с американцами отношений в который раз повлияло на политику Британии: она вынуждена была предоставить своей канадской колонии статус доминиона — полную автономию во внутренних делах. Кроме того, сделка затронула интересы таких игроков, как Франция и Испания. Это что касается политики... Ну и деньги, конечно – всегда они. Россия взяла многомиллионный кредит у Ротшильдов, чтобы возместить потери помещикам при отмене крепостного права. Вот только продажа Аляски не покрыла расходы полностью – семь и пятнадцать миллионов большая разница, - выдохнула я.

- Немыслимо, - пристально смотрел на меня Базаров. Отвернулся и повторил в сторону: - Немыслимо...

- Касается моих речей или продажи Аляски? – горько усмехнулась я, - вы правы – убедить кого-то в моей правоте будет сложно. И Бог с ней, с Аляской! Может дело и не дойдет. Важно другое...

- Все здесь важно, Таисия Алексеевна, каждое ваше слово. Когда, вы говорите, случится Крымская война?

- Октябрь пятьдесят третьего.

- А государь преставится?..

- Февраль пятьдесят пятого. Не станет беречь себя и бороться с болезнью. Его убьет не она, а поражение в Крыму. И это катастрофа.

- Да. Да... вы и раньше довольно горячо об этом... - встал священник и отошел к иконам. Надолго застыл там, шепча молитвы, глубоко кланяясь и крестясь.

И я смотрела на дорогой, достойный двора кронпринцессы убор небольшой дворцовой церкви, теплые блики редкого ныне солнца на иконах, дрожащий язычок большой свечи перед иконой «Рождество христово». Здесь было тепло, пахло воском и ладаном, а еще цветами – высокие вазы с парниковыми розами стояли на полу по обе стороны золоченого подсвечника. Тишина, покой... но, как перед бурей.

- Таисия Алексеевна, давайте составим сейчас своего рода договор, - решительно развернулся ко мне от икон отец Иоанн.

- И о чем же он будет? – печально осторожничала я.

- О вашем молчании, а еще Господь завещал терпеть. В хорошем смысле для вас, - улыбнулся вдруг, - отпустите все страхи и ожидайте рождения младенца. Спокойно, благостно, с надеждой и радостью. Зла в ваших помыслах я не вижу, что до остального... нельзя прыгнуть

выше головы, то есть сделать больше того, что в силах человеческих – помните об этом. Ваше дело сейчас – в спокойствии выносить младенца.

- А ваше, отец Иоанн?

- Если Господь посчитает нужным, он поможет, если же нет, то и довольствоваться следует меньшим, но отнюдь не малым, если лекарство это ваше действительно создадут.

- Предлагаете сосредоточиться на пенициллине, а политику оставить вам? – мысленно пропустила я богословские наущения сквозь себя, как через сито. В Него я верила, но не так, чтобы забыть обо всем прочем.

- Оставьте мне, - усмехнулся мужчина, - а уж я ее!..

- Хорошо, - встала я, послушно улыбаясь: - Согласна.

- Донимать вас расспросами о будущем, Таисия Алексеевна, я не стану – излишнее любопытство не на пользу, а только во вред, - прозвучало вдогонку, - к тому же, если вы полагаете, что самые неприятности начнутся с войны этой самой, то и сосредоточимся на ней. Иногда я могу, конечно, спросить вас о чем-то, уточняя... или же возникнут мысли у вас. Что-то я стану делать уже сейчас, но не топором, а перышком, чтобы не навредить, - улыбнулся он в ответ на вопрос в моем взгляде, - а вы просто знайте, что что-то уже делается, отдыхайте больше, ешьте хорошо. Все в руках Божьих...

Пока ехала домой, покачиваясь в карете, под стук копыт мучительно вспоминала – последние слова Базарова что-то напомнили... что-то такое. И вспомнила!

Тогда я проработала уже достаточно, чтобы мне поручили организацию с нуля одной небольшой выставки. А это устные договоры с руководством разных музеев о предоставлении материалов для экспозиции, документация, грамотный отбор в запасниках, выбор и бронь места проведения, организация охраны, а еще нужно было привести в божеский вид выставочное пространство... доставка, размещение и проведение тоже были бы на мне.

Организация любой выставки требует изматывающей по интенсивности координации, я же оказалась недостаточно реалистична касаясь временных рамок. Стоило начать месяца за три-четыре.

В общем... я слегла тогда, не сделав и половины – все признаки острого нервного срыва: ужасные боли в голове и ногах, бессонница, жор, сердце лупило, как бешенное, мышцы натянута, как струны и не расслабить их никак. Сцепив зубы до хруста, работала... а оказалось – тоже симптом.

А всего-то нужно было попросить пару-тройку личных помощников – потом оказалось, что это как бы и... само собой подразумевалось. Подготовку выставки закончили без меня и без особых потерь и сложностей. Вещь обыденная, действия привычные, опыт наработан.

Просто не нужно рвать попу и стараться все сделать самой. Это один из этапов взросления будущего руководителя – научиться грамотно делегировать полномочия. Желание лично контролировать каждый чих нормально, но можно и нужно делать это, отдав часть других полномочий – учила меня даже не мой непосредственный начальник, а начальник отделения в больнице. Не психушке слава Богу и то хорошо.

Тогда последовало осознание - не такое и сложное, но необходимое. А сейчас я загнала себя в похожую же ловушку. Будто и хороший урок тогда был, но ситуация другая, ответственность выше... я и не сопоставила. А ведь начала правильно – что-то уже делает Костя, его друзья, здесь Вундерлих тоже, но меня все несло – больше, быстрее, сама-сама!

Разговор с Базаровым измотал меня, но и успокоил. Не так чтобы совсем... но понятно, что нужно переспать с этим, привыкнуть к мысли, усвоить ее и осознать, что я уже не одна и есть с кем делить ответственность. Больше того – я уже сделала это.

Пообедав, прилегла отдохнуть, не разбирая постели, прямо на покрывало. Под бок тут же скользнула теплая Мурка и я улыбнулась – надо же, как быстро обнаглела. И не то, чтобы я до такой степени обожала всех, у кого четыре лапы... но сейчас перебирала пальцами корот-

кую шерстку и трогала мягкие ушки, слушала тихое урчание, глядя на капли, в который раз стекающие по оконному стеклу. Тихо стучал по крыше дождь, выбивая свой ритм. В глиняной кружке медленно остывал горячий кисель и сладко пахло малиной.

И сон не сон – дрема... когда мысли скользят между сном и явью, а зыбкие видения рассыпаются отдельными картинками, в которых есть место и для меня... Там я счастлива. Вальс кружит вьюгой... или это белизна вуали на офицерском эполете. Затянутая в мундир мужская фигура, пристальный и внимательный ко мне взгляд, теплая улыбка. Круг, еще круг... круговорот будто качели... образы - падения и взлеты, небо и море.

То ли проснулась, то ли очнулась, потягиваясь и улыбаясь - счастье в моменте, это правда.

И вечер тоже получился спокойным и тихим. Я попробовала подобрать на слух очередную мелодию. Уже понимая ноты, с ними так и не подружилась – искать самой и пробовать «на ухо» нравилось больше.

Тихо перебирая, чуть огрубевшие кончики пальцев привычно уже трогали струны, вспоминался мой полусон и пришло на ум – среди молодых мужчин-аристократов этого времени я не видела здоровяков и мощных качков. В традиционное классическое образование входили физические упражнения, связанные с гимнастикой, танцами, фехтованием и верховой ездой. Может отсюда и такое сложение, похожий тип фигуры – стройный и легкий, но сильный в каждом движении. Уверенная походка, гордый разворот плеч, прямая шея, достоинство и сдержанность во всем облике... Костя. Красиво.

А утром и совсем отпустило - я окончательно успокоилась и первый раз вышла на прогулку по городу. Уже совсем скоро, на днях ожидался январский яблочный праздник – один из самых любимых в Германии. Ярмарки повсеместно, блюда из яблок и с ними, музыка, танцы и веселье. Может, к этому времени совсем разъедутся гости Вильгельма и к нам заглянет Фредерик. Не мимоходом, а на подольше.

*** Зимний Штутгарт

Глава 9

Старое севастопольское адмиралтейство разочаровало Константина, хотя никаких надежд он на него не возлагал. Но сразу видно было, что здесь возможен только несложный ремонт.

- Пожалуй, теперь посмотрим новый док, - направился он обратно к шлюпке, - вы, господин лейтенант, определенно знаете больше моего. В общих чертах, кратко... не поделитесь историей его строительства?

- Непременно, господин контр-адмирал, - с готовностью ответил худощавый и чуть раскосый лейтенант Бутаков, командир тендера «Поспешный».

Константин еще только входил в курс дела, по очереди и дотошно изучая все объекты своей будущей ответственности и специально не воспользовался для этого услугами какого-то одного человека. Любопытно было услышать разных людей, заодно знакомясь более тесно.

- Непосредственно строительство начато в 34 году, вскоре после вступления Михаилом Петровичем в должность, - начал свой рассказ Бутаков, следом за начальством устраиваясь в шлюпке и привычно командуя: - Отваливай! Курс на Панайотову бухту.

- Однако же... двенадцать лет? Сроки впечатляют, - заметил Великий князь, с одобрением наблюдая слаженную работу шлюпочной команды.

- Тому есть серьезные причины. И в первую очередь это сложности местности при строительстве акведука, созданного для наполнения доков пресной водой.

- Пресной? – удивился Константин, - почему непременно пресной?

- Ввиду необходимости, так как воды Ахтиарской бухты изобилуют червями-древоточцами. Несколько лет и корпус уже буквально сожран ими! - доложил с досадой Бутаков, - покрывать же медью каждую посудину дорого. Но было замечено, что в пресной воде паразит сей гибнет. Отсюда и решение – периодически содержать в ней корабли для их сохранности.

- Разумно. А далее?

- Забирать пресную воду больше неоткуда, как только из Черной речки, а это почти семнадцать миль водовода. Три скальных тоннеля, шесть мостов над оврагами, устроенных по подобию римских акведуков... Да, это он и есть, - проследил лейтенант взгляд Константина.

С дальних холмов вниз спускалась ломаная линия, издали похожая на стену старинного укрепления.

- Кроме того, еще и масштаб строительства: пять доковых камер, три шлюза, два бассейна... малый для обеспечения пресной водой города. Облицован док гранитными плитами, так что пришлось делать свайное поле по дну и боках всего бассейна. Громадье работы, господин контр-адмирал, а сроки... да три года потеряли только из-за некачественного выполнения англичанами кованых и литых деталей шлюзовых и доковых ворот! – в негодовании повысил голос Бутаков и тут же, будто спохватившись, ровным голосом стал привычно отдавать команды:

- Швартоваться правым бортом. Подать носовой продольный на берег. Гребцы - ожидать в шлюпке.

Шлюпка мягко ткнулась в причал, носовой фалинь приняли на берегу. Костя привычно выпрыгнул на чуть подавшиеся под ногой доски и внимательно огляделся - место строительства виделось отчетливо – громады доков, характерные звуки... Ого - перепад высоты шлюзования никак не менее восьми метров. Однако же...

Рядом на возвышенном плато виднелись новые матросские казармы, расположенные в виде каре. Шесть трехэтажных зданий окаймляли его внешний контур практически замкнутым

прямоугольником. Константин улыбнулся краешком рта – Лазарев и здесь не изменил себе, одоббив проект фасадов в монументальных формах ампирного стиля.

Давно уже он думал о старике безо всякого раздражения, постепенно оценив по достоинству его громадный вклад в состояние флота. Везде звучало одно – Михаил Петрович... и никак иначе. Михаил Петрович сделал, добился, принял решение, устроил... Костя проникся все большим уважением, мотал на ус и делал выводы.

Поднявшись на холм, молодой адмирал действительно - поразился размаху ведущегося строительства, его грандиозности. Но что-то будто тот червяк крутилось в мозгу... будто какая-то незавершенность, недоговоренность. Наконец-таки он поймал мысль и ровно поинтересовался:

- И в чем же все-таки неудача этого строительства? – уже не сомневаясь, что, судя по всему, таковая присутствует, но добровольно озвучена еще одним почитателем Лазарева не будет.

- Отчего же сразу – неудача? – вспыхнул лейтенант и сразу потух, признавая: - Не совсем так... но да – заполнение доков пресной водой самотеком занимает почти три недели вместо расчетных трех дней, а это при корабельном строительстве, согласитесь... Сейчас уже строится насосная для закачки морской воды.

- Все-таки морской, - расстроено задумался Константин.

Обидно, однако! А ведь он даже не участник, не то, что инициатор строительства. Но что, если здесь будет налажено производство паровиков с *металлическим* корпусом? Конечно, вряд ли это произойдет сразу... но полная обшивка деревянного корпуса временно решит вопрос. Пока что да – листы меди или медных сплавов на заклепках и это действительно дорого. Но ведь только временно – все-таки полностью металлический флот в перспективе не отрицают и британцы. Все опять же упирается в отсутствие наработок и им следует уделить особое внимание. Значит... Макс. Максимилиан Лейхтенбергский. Металлы и сплавы его конек и даже более нежели строительство с нуля. К тому же Николаев не на море, а Максу полезен морской воздух. А пока что... когда требуется срочно построить хотя бы десяток паровиков, сойдет и медь. Нужен судовой инженер, надежный и свой человек, чтобы просчитать разницу между строительством нового судостроительного завода... верфи в Николаеве и работ здесь, учитывая медную обшивку. Финансовую и временную выгоду просчитать так, чтобы доказательно, прозрачно и безусловно честно. Чтобы уверенно выложить расчеты отцу на стол...

- Водовод, ведущий из Черной речки, уже снабжает пресной водой город и корабли. Доки же... - увлеченно продолжал лейтенант.

- А доки хороши безусловно, - улыбался Костя, полной грудью вдыхая морской воздух и с восторгом осматривая город внизу, грандиозные формы доков, пасмурное море вдаль и тихую сравнимо с ним бухту. И только многие крутые возвышенности вокруг нее не особо впечатляли своими голыми вершинами.

- А каково предназначение вон той башенки? – указал он на холм, возвышающийся прямо над доками.

- Не могу знать к величайшему моему сожалению, - поморщился лейтенант, - но сам холм неофициально носит название Малахов. Из-за капитана Малахова, жившего с семьей у подножья. До строительства там было небольшое поселение. Хороший человек, отчего, возможно, и прижилось.

- Вполне возможно. Причина достойная, - думал о своем Константин, - господин лейтенант, а как бы вы оценили возможности николаевских верфей?

- Там грязная история, господин вице-адмирал, - сразу же стал крайне серьезным молодой мужчина, - подобная плохому водевилю или же сплетне. Но если в общих чертах... на Балтике заказы на ремонт и постройку кораблей получают государственные верфи. Грейг же настоял на передаче флотских заказов частным подрядчикам, что сильно подорвало состоя-

ние верфи державной и влияло на качество постройки. Михаил Петрович устранил подобный перекося, сейчас делается все возможное для возврата николаевской верфи к рабочему состоянию и даже более того – ее всячески совершенствуют.

Возвращались к шлюпке молча, думая каждый о своем. Константина по его просьбе высадили потом на Графской пристани. Он еще постоял, глядя, как шлюпка отваливает, козырнул, прощаясь и стал неспешно подниматься к колоннаде.

Лейтенант оставил о себе хорошее впечатление. Возможно, речь шла о диффамации, раз уж он уверен, что история грязная. В этом случае, поделившись ею, он не опорочил бы себя, поскольку сплетни, они же слухи могли быть и правдивы. В любом случае его право – некоторые вещи возможно обсуждать только со своими. И еще... следующим летом его «Поспешный» займется гидрографическими работами в Черном море. Костя печально улыбнулся, чувствуя легкий укол... светлой зависти, наверное - с радостью поменялся бы местами. Но уже нельзя.

Ноги в сапогах легко отсчитывали ступени. В задумчивости придерживая рукой плащ-крылатку, он ни на что не обращал внимания, погружившись в мысли. Поэтому, поравнявшись уже с колоннадой, едва не споткнулся, услышав обращение к себе и резко остановился, оглядываясь.

Молодой женский голос кокетливо интересовался:

- Неужто и впрямь это вы, Константин Николаевич? Рада встрече необыкновенно... вы ведь помните меня?

На пристани оставались матросы швартовочной команды, дежурила шлюпка с гребцами. По ступеням быстро спускался молодой офицер с тубусом для бумаг через плечо – посыльный из штаба на один из кораблей? Сквозь колоннаду на площади виднелись редкие прохожие – холодное время поздней осени не способствовало прогулкам.

Костя быстро окинул взглядом стройную женскую фигурку, прячущуюся от ветра за одной из колонн. Вспомнил – да, он танцевал также и с ней на прошлом балу... кадрили, кажется. И странно бы не запомнить – лет двадцати шести, невысокий рост, соблазнительные формы. Но что действительно было незабываемо в... Амалии Сергеевне, вдове... так это сочетание светлого волоса и темных глаз, ресниц и бровей. Сейчас ее волосы почти полностью скрывал объемный капюшон, опушенный темным мехом. Плащ цвета темного вина прибило ветром к ногам, плотно прижав к ним и бархат платья заодно.

- Как же - Амалия Сергеевна...

Молодые люди обменялись приветствиями, кратко объяснив друг другу свое здесь присутствие.

Женщина призналась, что совершает подобные прогулки каждый день, кокетливо обозначив причиной их пользу для цвета лица, с чем Костя сразу и согласился – щеки ее горели на ветру, добавляя лицу красок.

- Каждый раз дохожу ровно до колоннады, некоторое время любуюсь окрестностями, потом – обратно. А вы, значит, с чертового места сейчас? – уточнила она.

- Позвольте тогда проводить вас... отчего же оно чертово? – удивился Костя, принаравливаясь к женским шагам и стараясь идти в ногу.

- Благодарю вас – с радостью позволяю. С интересной беседой польза прогулки удвоится, - довольно блеснул в его сторону карий глаз, - а отчего - чертово? Так общеизвестно же – при сильных грозах молнии непременно бьют в башню на Малаховом холме. А уж если непогоды затяжные или сухие грозы вдруг, то и светится ее верх все равно, как пламя адово – мертвенным светом.

Костя не стал указывать на несоответствие понятий, только поинтересовался:

- И как же объясняют такое явление?

- Кто именно?

- Мужчины, к примеру, - решил Костя быть терпеливым, а еще пришла в голову мысль...

- А мужчины как раз ничего особенного в этом не видят, - разочарованно протянула вдова, - будто бы такие же мрачные огни нередко наблюдаемы на корабельных мачтах в теплых широтах... то ли до грозы, то ли после?

- Огни святого Эльма... выглядят по-разному: как равномерное свечение, в виде отдельных мерцающих огоньков или же искрящихся факелов, действительно похожих на языки холодного пламени, - вспоминал Константин, - тогда все верно и бояться не стоит. Моряки считают их добрым предзнаменованием – это весть о том, что шторм идет на убыль и скоро закончится. Позвольте еще один вопрос, Амалия Сергеевна...

- Слушаю вас внимательнейшим образом, Константин Николаевич, - почти пропела женщина, заставив взглянуть на себя пристальнее.

Костя давно уже привык к женскому вниманию и обычно реагировал на него... никак, поскольку пользоваться им не собирался. Тон разговора поддерживал, даже флиртывал иногда, пускай и не особо умело – не старался, но это было не более чем вежливостью, привычкой подчиняться правилам общения, принятым в свете. Мягкий женский голос, в котором звучал откровенный флирт и даже призыв, и сейчас не тронул его. Голова была крепко занята другим...

- Что за темная история, подобная плохому водевилю, случилась в связи с заказами на частные николаевские верфи? Вы местная жительница и, хотя дело давнее, можете помочь мне с этим... или же нет? – всем корпусом повернулся он к женщине, требовательно глядя ей в глаза.

Амалия покраснела еще больше и заспешила, с готовностью кивнув:

- Отчего же плохой водевиль, если там история страстной любви?

- Даже так? – увлек ее дальше Константин, тронув за локоть. Разговаривать лучше на ходу, иначе могло быть превратно понято. То ли дело - в присутственном месте, при большом стечении народа.

- И все равно это любопытно... тем более, - быстро исправился он.

- Ну тогда... вы же знаете, что до Михаила Петровича начальником Черноморского флота был некий адмирал Грейг, шотландец по отцу. И вот он уже сорока пяти лет... и не так хорош собой, - скосила женщина взгляд, будто сравнивая. Нарвавшись на ответный нетерпеливый, вздохнула и дальше рассказывала уже без ужимок:

- На аудиенцию к нему напросилась дама... в прошлом дочь трактирщика еврейского происхождения, но уже сменившая на тот момент веру, поскольку успела побывать замужем за польским офицером. Сейчас она звалась Юлия Кульчинская. Будучи гораздо моложе адмирала... не то на пятнадцать, не то на все двадцать лет и обладая незаурядной красотой, она мгновенно покорила его, сделав впоследствии настоящей своей игрушкой. Отсюда и заказы на частные верфи, принадлежащие одесским купцам-евреям. Там, знаете ли, настоящих миллионщиков ничуть не меньше, чем в столицах. А вот дальше, Константин Николаевич... - мгновенно стала она серьезнее и даже будто умнее, - а дальше слишком опасно, простите. Пускай дело и давнее, как вы говорите, однако же... С дальнейшими расспросами об этом деле лучше не ко мне. Благодарю вас за прогулку.

От предобеденного чая Константин вежливо отказался, мотивируя тем, что уже опаздывает. Руку, поданную для поцелуя, только легко пожал. Распрощался и, успев потрясенно заметить быстро отпущенный в свою сторону воздушный поцелуй, развернулся на каблуках и поспешил... к капитану 1 ранга Корнилову. К счастью, застав того в служебном кабинете.

Бросив на кресла крылатку, сразу приступил к делу:

- Владимир Алексеевич, а позвольте вопрос – что за махинации с заказами имели место при предыдущем командующим флотом? Напомню – Грейг, шотланец по происхождению.

- Зачем это вам, Константин Николаевич? – медленно поднялся мужчина из-за массивного дубового стола.

- Не стоит, Владимир Алексеевич, - невольно... повелительным взмахом руки остановил его Великий князь, - лучше пригласите присесть меня – не намерен уйти без ответов.

- Это темное дело и уже довольно давнее, зачем оно вам? – чуть повысил голос Корнилов.

- А еще грязное. Позвольте мне решать – есть для меня необходимость в подобном знании или же нет ее! Мне тут намекали на опасность... так вы оберегаете меня или пренебрегаете моей заинтересованностью? Поверьте... если я приступлю к расспросам, а я сделаю это – доведу до конца, то мнимая опасность только усилится, - злился Костя.

- Ну что же, раз вам так интересны сплетни... - протянул Корнилов.

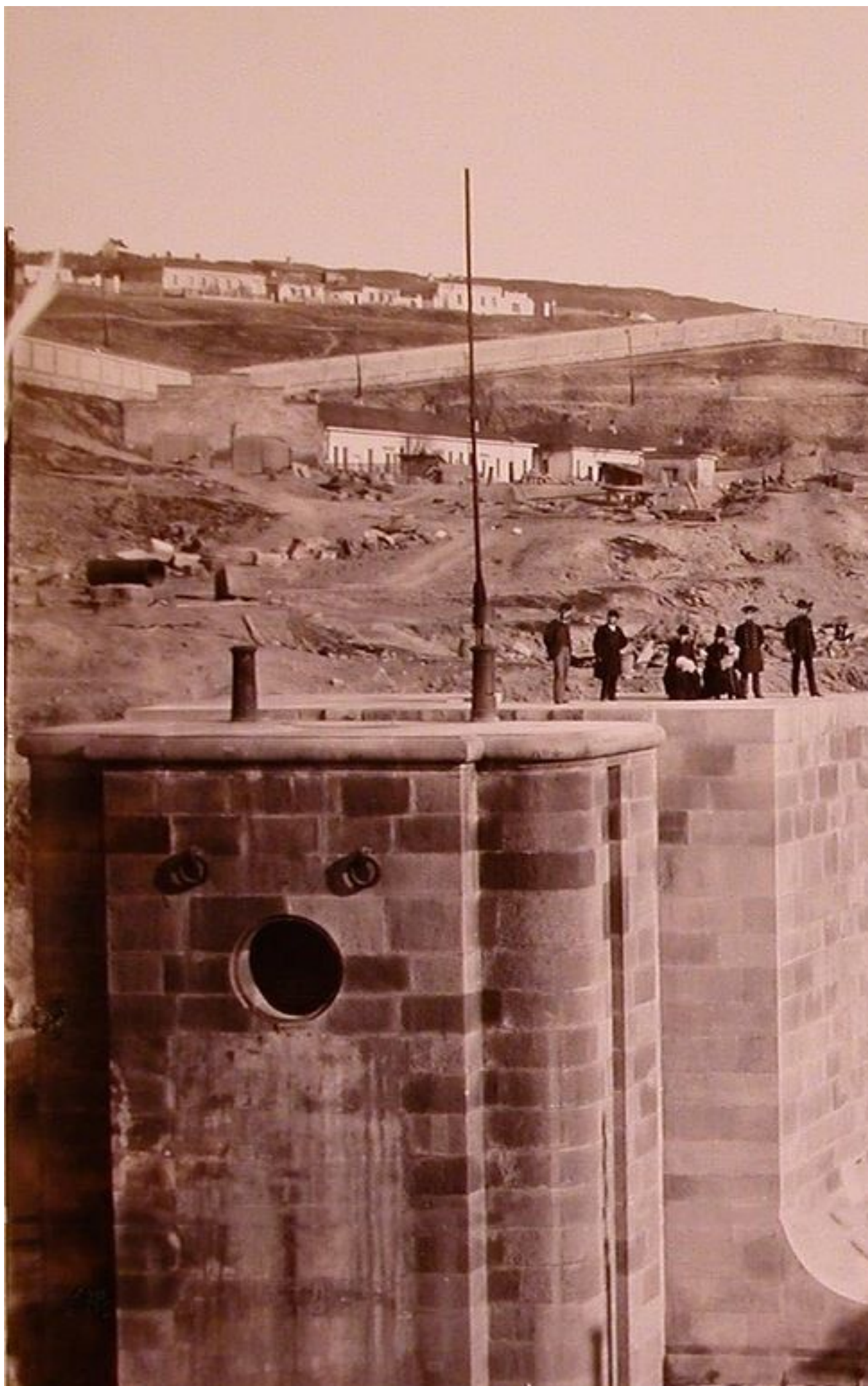
- Боюсь, что это не они, Владимир Алексеевич, и этим вы меня не отпугнете – уже не до условностей. Я... загорелся уже этим, воспламенился! - положил Константин мешавшуюся в руке фуражку на соседнее кресло и со всем вниманием уставился на Корнилова.

Некоторое время в кабинете было тихо...

*** Из доступных источников интернета: Графская пристань.

*** Из доступных источников интернета: Сухие доки, вверху акведук

Глава 10

Корнилов мрачно глядел на него в упор, положив крупные ладони на стол, густые усы топорщились жесткой щеткой. И что-то будто ощутимо менялось между ними и даже сам воздух потяжелел, спирая дыхание.

И пришло вдруг понимание...

- Прошу прощения, Владимир Алексеевич... за это вот, - сдавленно произнес Константин, неопределенно покрутив кистью. Оттянув пальцами ворот, кашлянул, будто тот душил его.

Корнилов приподнял крутую бровь, глядя прямо и остро, а Великий князь продолжал:

- Так и не научился сдерживать в себе единственное – свою нетерпеливость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.